

ДЖОН НОРТ

**АНТИКУЛЬТОВЫЙ
СЛЕД В ГЕНОЦИДЕ
ФАЛУНЬГУН**

Оглавление

Глава 1. Механизмы современного антикультизма

Деконструкция защитной маски

Психологический портрет антикультиста

Предвестие террора

Глава 2. Русский след: экспорт антикультовой модели в Китай

Механизм манипуляции. От идеологии к пыткам

Реализация геноцида

Глава 3. Пропаганда и сфабрикованные преступления

Глава 4: Пытки и насильственное извлечение органов

Дело Цзян Гобо

Дело Хунбинь Линь

Дело Чан Чжи Юэ

Дети-жертвы

Пытки над женщинами-практикующими Фалуньгун

Насильственное извлечение органов как индустрия

Параллели с нацизмом

Международная сеть идеологов геноцида

Глава 5: Последствия и угрозы

Список литературы

Глава 1. Механизмы современного антикультизма

Деконструкция защитной маски

В общественном сознании антикультизм, или сектоборчество, часто воспринимается как необходимый защитный механизм, оберегающий граждан от мнимой угрозы «деструктивных культов» и «тоталитарных сект». Его последователи позиционируют себя как борцы за «духовную безопасность нации», «традиционные ценности» и защитники уязвимых слоев населения. Однако тщательный и беспристрастный анализ, основанный на фактах и документальных свидетельствах, вскрывает иную реальность. За маской общественного блага скрывается агрессивная, нетерпимая и деструктивная по своей сути идеология, направленная не на защиту, а на подавление инакомыслия, разжигание социальной розни и дегуманизацию целых групп граждан на основании их мировоззренческих убеждений.

Настоящее расследование ставит своей целью не оценить те или иные религиозные или духовные течения, а провести юридический и фактологический анализ самого антикультизма. Мы намерены раскрыть его идеологический фундамент, изучить его пропагандистские механизмы, выявить ключевых деятелей и продемонстрировать, как псевдонаучные теории и язык вражды становятся инструментами для оправдания дискриминации и государственных репрессий.

Данное расследование опирается исключительно на открытые источники, официальные документы, научные публикации и свидетельства, позволяющие составить объективную картину. Цель — не навязать точку зрения, а предоставить читателю факты, на основе которых он сможет самостоятельно сделать выводы о природе и

последствиях деятельности антикультового движения в современном мире.

Антикультизм представляет собой не просто критику тех или иных религиозных групп, а целостную идеологическую систему, обладающую собственным понятийным аппаратом, доктринальной базой и набором практических методов. Декларируя своей целью защиту общества от «опасности сект», эта идеология на практике сама становится источником социальной напряженности, нетерпимости и нарушения фундаментальных прав человека, в частности, права на свободу совести и вероисповедания.

Центральным элементом, на котором зиждется все здание антикультизма, является концепция «контроля сознания» или «промывки мозгов» (*brainwashing, mind control*). Именно эта теория позволяет антикультистам выводить новые религиозные движения (НРД) за рамки правового и этического поля, представляя их последователей не как граждан, сделавших свободный мировоззренческий выбор, а как пассивных жертв, лишенных воли и разума.

Термин «промывка мозгов» не имеет научного происхождения. Он был введен в оборот американским журналистом Эдвардом Хантером в 1950-х годах для описания методов идеологической обработки, которым подвергались американские военнопленные в китайских лагерях во время Корейской войны. Концепция быстро стала популярной в массовой культуре, эксплуатируя страхи времен Холодной войны перед коммунистической индоктринацией.

Антикультовое движение адаптировало эту теорию для своих целей, утверждая, что НРД используют некие таинственные и неотразимые психотехники для «вербовки» и удержания своих последователей. Эта идея, хотя и выглядит убедительно для неподготовленной аудитории, была полностью дискредитирована в научном сообществе.

Ключевым моментом в развенчании этого мифа стало официальное заключение Американской психологической

ассоциации (АПА) в 1987 году. Рассмотрев доклад, подготовленный сторонниками теории «контроля сознания» в контексте НРД, АПА пришла к однозначному выводу, что данная теория «не является научной концепцией» и лишена достаточной эмпирической и методологической базы.

Научная критика теории «промывки мозгов» основывается на том, что она игнорирует свободную волю человека, представляя его как пассивный объект, неспособный к осознанному выбору, духовному поиску или критическому мышлению, и сводит сложный, сугубо личный процесс обращения к вере к примитивной схеме «манипулятор-жертва». Кроме того, отсутствуют эмпирические доказательства существования уникальных и неотразимых техник «контроля сознания», применяемых исключительно в новых религиозных движениях, поскольку процессы социального влияния, групповой динамики и убеждения, наблюдаемые в религиозных группах, принципиально не отличаются от аналогичных процессов в политических партиях, армейских подразделениях, корпоративных культурах или спортивных командах. Наконец, псевдонаучный статус теории используется для оправдания агрессивных и противоправных действий в отношении верующих, таких как насильственное «депрограммирование», которое включает похищение человека, его изоляцию и оказание интенсивного психологического давления с целью заставить его отречься от своих убеждений.

Принятие на веру теории «контроля сознания» неизбежно приводит к главному практическому результату антикультовой идеологии — дегуманизации верующего. Если человек не обладает свободной волей и является лишь «биороботом» или «марионеткой» в руках «кукловода-гуру», то он перестает быть субъектом права и морали. Его собственное мнение, его свидетельства, его жизненный выбор не имеют никакой ценности. Логика антикультистов рассматривает верующих как «зомби», «ментальных рабов», «адептов» или «фанатиков», что лишает их индивидуальности и представляет как неодушевленные объекты, которыми можно и

нужно управлять извне. Любые аргументы или свидетельства последователей новых религиозных движений априори отвергаются как неадекватные, продиктованные не их разумом, а заложенной «программой», при этом их положительный опыт внутри группы игнорируется или объявляется частью обманной манипуляции. Такая позиция развязывает руки для любых действий, совершаемых якобы «во благо» самой «жертвы». Если человек считается «не в себе», по отношению к нему допускаются принудительные меры, включая практику «депрограммирования», которая, по сути, представляет собой похищение и психологические пытки, оправдываемые необходимостью «вернуть» человека к «нормальной» жизни. Этой же логикой легко оправдывается дискриминация на работе, в учебе и даже распад семей.

В качестве яркого примера можно привести риторику, используемую в Китае и подхваченную международными антикультистами в отношении последователей Фалуныгун. Чтобы оправдать жесточайшие репрессии, практикующих изображали как иррациональных, склонных к суициду и психически нездоровых людей. Эта кампания по дегуманизации стала идеологической подготовкой к массовым арестам, пыткам и, как утверждается в многочисленных отчетах, насильственному извлечению органов.

Ключевым условием для мобилизации общества против какой-либо группы является создание убедительного и отталкивающего «образа врага». Антикультовая идеология в полной мере использует арсенал пропагандистских техник, отточенных в XX веке тоталитарными режимами, для превращения верующих и их объединений в объект всеобщего страха, подозрения и ненависти. Этот процесс осуществляется через целенаправленное конструирование языка и систематическое применение манипулятивных приемов.

Антикультизм оперирует набором специфических, эмоционально заряженных терминов, которые не имеют строгого научного или юридического определения, но выполняют функцию социального

клеймения. Антикультовая риторика стремится не к описанию явлений, а к их моментальной негативной оценке, чтобы исключить возможность рационального обсуждения. Термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» занимают центральное место в этом словаре, вызывая ассоциации с политическим тоталитаризмом, насилием, подавлением свобод и массовыми репрессиями. Называя религиозную группу такими терминами, пропагандист автоматически приписывает ей преступные намерения без необходимости предоставлять доказательства. Академические религиоведы избегают этих понятий из-за их субъективности, оценочности и отсутствия четких критериев.

Слова «сектант» и «адепт» используются для дегуманизации и деиндивидуализации последователей новых религиозных движений. В обыденном сознании «сектант» ассоциируется с фанатизмом, неадекватностью и социальной опасностью, что лишает человека его имени, профессии, семейного статуса, сводя его личность к принадлежности к «опасной» группе. Это оправдывает дискриминационные действия и позволяет игнорировать индивидуальность человека.

Термин «вербовка», заимствованный из военного и шпионского лексикона, заменяет понятие свободного обращения к вере. Он создает образ обманного и агрессивного процесса, где человек выступает пассивной жертвой, игнорируя его духовный поиск, личную мотивацию и добровольный выбор, и сводит всё к примитивной схеме «охотник-жертва».

Выражения «контроль сознания» и «промывка мозгов» служат псевдонаучным ядром этой идеологии. В пропаганде они объясняют любые действия верующего, не соответствующие «норме». Пожертвование денег, активное участие в общине — всё это объясняется «контролем сознания» или «промывкой мозгов», что устраняет необходимость анализировать реальные мотивы и делает любую дискуссию бессмысленной.

Как отмечают исследователи, «слово "секта" в российском контексте стало универсальным заклинанием, которое используется для разрушения репутации, подавления свободы совести, лишения детей родителей и даже возбуждения уголовных дел». Это не просто слово, а инструмент социального поражения в правах.

Антикультисты применяют классические методы пропаганды, описанные в работах по психологии массовых коммуникаций, чтобы внедрить свои термины в массовое сознание и сформировать устойчивый образ врага. Они безостановочно используют ярлыки, такие как «секта», «культ», «деструктивный» и «тоталитарный», создавая негативные ассоциации. Лидеров новых религиозных движений (НРД) демонизируют, приписывая им низменные мотивы, такие как жажда власти, денег или сексуальная эксплуатация, а также обвиняя в преступных планах, включая шпионаж, подрыв государства или подготовку терактов. Группы изображаются как абсолютное зло, борьба с которым представляется священным долгом.

Антикультовая риторика активно играет на страхах аудитории, муссируя темы, вызывающие сильный эмоциональный отклик: угроза детям, которых якобы «зомбируют в сектах», разрушение семей, отъем имущества, например, квартир, или угроза психическому здоровью. При этом используются абстрактные, позитивно окрашенные ценности, такие как «традиционные ценности», «духовная безопасность», «здоровье нации» или «защита семьи», чтобы оправдать действия против НРД, представляя их как угрозу этим идеалам.

Такие манипуляции часто опираются на конкретные пропагандистские техники, которые усиливают негативные ассоциации и закрепляют их в общественном сознании. Одной из таких техник является метод «гнилой селедки», который заключается в создании громких информационных поводов на основе ложных или недоказанных обвинений, например, историй о якобы готовящихся массовых самоубийствах в общинах. Даже если такие

обвинения позже опровергаются, негативный осадок и ассоциация группы с опасностью сохраняются в массовом сознании. Техника переноса (трансфера) связывает целевую группу с уже имеющими негативную репутацию явлениями, перенося критику одного скандального движения на все НРД, создавая ложное впечатление об их одинаковой опасности.

Антикультисты также апеллируют к «авторитетам», ссылаясь на «экспертов», часто самих себя, таких как Александр Дворкин, или на анонимных «пострадавших» и «бывших членов», чьи истории невозможно проверить, но которые подаются как неопровержимые доказательства «преступной сущности» группы.

Анализ пропагандистских методов антикультизма выявляет тревожные и безошибочные параллели с технологиями, которые использовались тоталитарными режимами XX века, в частности, нацистской Германией, для подготовки почвы для массовых репрессий и геноцида. Цель данного анализа — показать, что механизмы манипуляции общественным сознанием, используемые антикультистами, схожи с пропагандистскими методами, применявшимися в Третьем рейхе, подчеркивая их универсальную деструктивную природу, а не прямо отождествляя антикультистов с нацистами. В Третьем рейхе евреи, цыгане и другие меньшинства объявлялись «чужеродным элементом» и «паразитами на теле арийской нации», обвинялись во всех экономических и социальных проблемах Германии и представлялись угрозой расовой чистоте и национальной безопасности. Аналогично, антикультисты называют новые религиозные движения (НРД) «раковой опухолью на теле общества» или «агентами западных спецслужб», угрожающими «духовному суверенитету» и «традиционным ценностям», трактуя их деятельность как подрывную.

Дегуманизация через язык в нацистской пропаганде достигалась использованием терминов вроде Untermenschen («недочеловеки»), сравнением евреев с крысами, паразитами или заразной болезнью, что снимало моральные барьеры и оправдывало физическое

уничтожение. Антикультисты применяют схожую риторику, называя верующих «зомби», «биороботами» или «ментальными рабами», лишая их человеческого достоинства и представляя дискриминационные меры против них как «лечение» или «спасение».

Нацистская пропаганда опиралась на псевдонаучные обоснования, такие как расовая теория, евгеника и антропология, чтобы создать видимость научной основы для антисемитизма, утверждая биологическую неполноценность евреев и их генетическую угрозу. Антикультисты используют псевдонаучную теорию «промывки мозгов» и вульгарно интерпретированные психологические концепции, чтобы обосновать сектофобию, утверждая, что верующие психологически недееспособны и являются жертвами «деструктивных психотехник».

Теории заговора в Третьем рейхе включали мифы о «мировом еврейском заговоре», такие как «Протоколы сионских мудрецов», якобы направленные на захват власти, финансовый контроль и уничтожение арийской расы. Антикультисты распространяют теории о том, что «секты» — это проекты ЦРУ или других иностранных спецслужб, стремящихся к развалу страны, сбору разведанных и контролю над населением.

Нацистский режим и связанные с ним структуры, такие как Апологетический центр 1930-х годов, составляли списки «нежелательных» лиц и организаций для преследования, слежки и уничтожения. Аналогично, антикультовые организации, такие как FECRIS и РАЦИРС, систематически публикуют списки и «рейтинги опасности» «тоталитарных сект» и «деструктивных культов», которые затем используются государственными и силовыми органами для проверок, запретов и уголовного преследования.

Как показывают некоторые источники, деятельность российской антикультовой организации РАЦИРС, возглавляемой Александром Дворкиным, сознательно выстраивалась по модели немецкого Апологетического центра 1930-х годов. Этот центр тесно

сотрудничал с нацистскими властями, поставляя им «экспертные» заключения для клеймения неугодных религиозных групп и идеологически подготавливая почву для их запрета и репрессий.

Таким образом, создание образа «врага» в антикультизме — это не спонтанный процесс, а целенаправленная и технологичная работа по социальной инженерии. Ее результатом становится раскол общества, маргинализация и преследование целых групп граждан, что создает прямую угрозу основам правового государства и гражданского мира.

Современный антикультизм — это не движение разрозненных активистов-одиночек. Это хорошо организованная, финансируемая и институционально оформленная международная сеть, обладающая политическим влиянием и рычагами для лоббирования своих интересов на государственном и межгосударственном уровнях. На европейском пространстве ключевыми узлами этой сети являются Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектах (FECRIS) и ее российское представительство — Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Деятельность этих организаций является наглядным примером того, как идеология ненависти трансформируется в конкретные репрессивные практики.

Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектах (FECRIS), основанная в 1994 году в Париже, позиционирует себя как зонтичная структура, объединяющая антисектантские ассоциации из более чем 30 стран. Официально FECRIS заявляет о защите личности, семьи и демократических институтов от вредоносного воздействия сектантских организаций, однако анализ ее публичных заявлений, конференций и отчетов показывает, что ее основная деятельность сводится к агрессивному лоббированию законодательных ограничений против новых религиозных движений (НРД) и ведению систематической кампании по их дискредитации в СМИ и органах власти. FECRIS позиционирует себя как неправительственную

организацию, политически и религиозно нейтральную, но этот тезис опровергается фактом, что с 2001 года 94% ее бюджета формируется за счет прямых субсидий от правительства Франции, что ставит под сомнение не только ее независимость, но и легитимность ее претензий на объективность, фактически делая FECRIS квази-государственной структурой, проводящей политику французских властей в отношении религиозных меньшинств на общеевропейском уровне. Обладая специальным консультативным статусом при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС) и статусом участия при Совете Европы, FECRIS использует эти позиции, предназначенные для диалога гражданского общества с международными институтами, как инструмент для легитимации своей антикультовой повестки, представляя свою маргинальную и научно необоснованную точку зрения как мнение авторитетного экспертного сообщества, вводя в заблуждение дипломатов и чиновников. Многочисленные правозащитные организации и исследователи религии обвиняют FECRIS в систематическом использовании языка вражды, поскольку ее публикации и выступления полны бездоказательных обвинений, демонизирующих ярлыков и псевдонаучных утверждений, что способствует созданию атмосферы нетерпимости и подстрекательству к дискриминации религиозных меньшинств по всей Европе.

Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), созданная в 2006 году как официальный российский представитель сети FECRIS, играет центральную роль в формировании и реализации антикультовой политики в Российской Федерации. Неизменным президентом РАЦИРС является Александр Леонидович Дворкин, известный своими радикальными взглядами и агрессивной риторикой, который долгое время занимал пост вице-президента FECRIS, обеспечивая прямую координацию действий на международном уровне. Вице-президентом РАЦИРС выступает протоиерей Александр Новопашин, также активно участвующий в сектоборческой деятельности. Головной структурой ассоциации

является «Центр религиоведческих исследований во имя св. Ирины Лионского», аффилированный с Русской Православной Церковью. Официально РАЦИРС декларирует цели по мониторингу, аналитической работе и консультированию госорганов, но на практике ее деятельность сводится к созданию «экспертных заключений», служащих идеологическим и квази-юридическим основанием для преследования инакомыслящих. РАЦИРС и лично А.Л. Дворкин являются главными генераторами «черных списков» и «рейтингов опасности» сект в России, ключевым событием в этом процессе стала международная конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века», проведенная по инициативе Дворкина в Нижнем Новгороде в 2001 году, где движение Фалуньгун было безосновательно внесено в список наиболее известных и опасных современных деструктивных культов, при участии официального представителя из Китая, делившегося опытом репрессий под видом научной обоснованности.

Книга Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты», несмотря на разгромную критику со стороны академических религиоведов за ненаучность, предвзятость и фактические ошибки, активно используется правоохрнительными органами, прокуратурой и судами как авторитетный источник при вынесении решений о запрете организаций, депортации иностранных граждан-верующих и возбуждении уголовных дел. Уникальность и опасность РАЦИРС заключается в ее глубокой интеграции в государственные структуры, что позволяет ей оказывать прямое влияние на репрессивную политику. А.Л. Дворкин на протяжении многих лет занимал пост председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, что давало ему колоссальный административный ресурс для блокирования регистрации неугодных религиозных организаций и инициирования их ликвидации. Существуют многочисленные свидетельства того, что «экспертные заключения», подготовленные Дворкиным и другими членами РАЦИРС, ложатся в основу оперативных разработок ФСБ, Центра «Э» (Главное управление по противодействию экстремизму МВД РФ), МВД и прокуратуры, и служат формальным основанием для возбуждения уголовных дел по статьям об экстремизме, создании НКО, посягающей на личность и права граждан, и другим. РАЦИРС и ее лидеры обвиняются в активном лоббировании поправок, ужесточающих законодательство о свободе совести, включая «закон Яровой», который серьезно ограничил миссионерскую деятельность в России. Особого внимания заслуживает тесное и документально подтвержденное сотрудничество РАЦИРС с китайскими антикультовыми структурами, ответственными за жесточайшие преследования верующих в КНР. Участие Дворкина в китайских антикультовых форумах, прием китайских делегаций в России и публичная поддержка репрессивной политики Компартии Китая являются доказательством обмена репрессивным опытом. В 2008 году на форуме в Китае Дворкин прямо призывал к созданию единого международного фронта для

борьбы с сектами, включая Фалуныгун, фактически одобряя и легитимизируя политику государственного террора.

В заключение, FECRIS и РАЦИРС представляют собой не просто «общественные организации», а ключевые элементы репрессивной машины. Они создают идеологическое топливо (теории, списки, «экспертизы») для государственных органов, которые, в свою очередь, обеспечивают им политическую «крышу» и административный ресурс. Эта симбиотическая связь превращает псевдонаучную доктрину в реальные уголовные дела, разрушенные судьбы и системное подавление одного из базовых прав человека — права на свободу совести.

Психологический портрет антикультиста

Кто эти люди, которые посвящают свою жизнь ненависти к инакомыслящим? Что движет человеком, который под маской общественного блага и «защиты традиционных ценностей» выстраивает карьеру на разжигании вражды, клеймении и подстрекательстве к насилию? Публично они называют себя экспертами, консультантами, правозащитниками и спасителями заблудших душ. Однако анализ их биографий, методов и публичных высказываний вскрывает куда более мрачную картину. За фасадом идеологической убежденности зачастую скрываются глубоко укоренившиеся деструктивные наклонности, криминальное прошлое, жажда власти над чужими судьбами и садистское удовольствие от созерцания и причинения страданий — качества, которые в любом цивилизованном обществе признаются патологией, но в рамках антикультовой парадигмы находят себе легитимное и даже поощряемое применение.

Расследование мотивации ключевых фигур антикультового движения — это необходимый аналитический шаг для понимания природы самого явления. Антикультизм не смог бы существовать без антикультистов — людей, для которых он стал не просто родом деятельности, а способом сублимации и монетизации своих самых темных импульсов. Чтобы понять, почему идеология ненависти оказывается столь живучей, необходимо пристально взглянуть в лица ее архитекторов.

Анализ биографий ведущих деятелей антикультизма на Западе, в частности, так называемых «депрограммеров», выявляет поразительную закономерность. Нередко их путь к статусу «специалиста по культам» начинается не с академической кафедры или правозащитной деятельности, а с криминальной хроники. Карьера одного из самых известных американских антикультистов, Рика Алана Росса, является хрестоматийным примером такой трансформации.

До того, как Рик Росс стал известным «консультантом по выходу из культов» и востребованным «экспертом» для государственных органов, его биография включала действия, далекие от борьбы за общественное благо. В 1974 году он был замешан в попытке кражи со взломом, за что получил условное осуждение. В 1975 году Росс участвовал в вооруженном ограблении ювелирного магазина в Финиксе, штат Аризона, где вместе с сообщником, используя муляж бомбы, похитил 306 ювелирных изделий. По итогам этого преступления он был признан виновным в крупной краже и краже со взломом, а 2 апреля 1976 года приговорен к тюремному заключению.

Этот бэкграунд является ключевым для понимания его последующей деятельности. Для личности с устоявшимися криминальными и агрессивными наклонностями переход в статус «эксперта по сектам» стал идеальным способом социальной адаптации. Деятельность по «депрограммированию», по своей сути являющаяся похищением человека и применением к нему интенсивного психологического насилия, позволила Россу легализовать и монетизировать те же самые импульсы — стремление к доминированию, контролю и применению силы. Однако теперь эти действия совершались не под угрозой уголовного преследования, а под благовидным предлогом «спасения» и «помощи», что, как цинично отмечают исследователи его биографии, оказалось «менее опасным занятием, чем кража ювелирных изделий».

Эта модель — переход от прямого криминала к социально одобряемой агрессии — не является уникальной. Она вскрывает фундаментальный психологический механизм, привлекающий в антикультизм определенный тип личности. Это люди, которым необходима санкция на насилие, и антикультовая идеология предоставляет им такую санкцию в полном объеме. Объявляя целую группу граждан «зомбированными жертвами», лишенными воли, антикультист получает моральное право на любые действия по отношению к ним. Он больше не преступник, а спаситель; не насильник, а целитель. В этой системе координат похищение

становится «извлечением», незаконное лишение свободы — «изоляцией для детоксикации сознания», а психологические пытки — «консультированием по выходу».

Если криминальное прошлое объясняет, откуда приходят некоторые «эксперты», то их последующие действия раскрывают, что именно они находят в этой деятельности. Заявленная цель «защиты общества» и «помощи жертвам» слишком часто служит лишь прикрытием для более глубоких и деструктивных психологических потребностей: жажды абсолютной власти над другим человеком и получения садистского удовлетворения от его унижения и страданий.

Ничто не иллюстрирует этот тезис так ярко, как открытая поддержка западными антикультистами, включая Рика Росса, жесточайшей репрессивной кампании, развязанной Коммунистической партией Китая против последователей Фалуньгун.

В 2010 году Росс посетил Пекин, где встретился с бывшими практикующими Фалуньгун, прошедшими через государственную систему «трансформации через перевоспитание» — эвфемизм, скрывающий за собой систему концентрационных лагерей и центров пыток. Вместо того чтобы осудить эти бесчеловечные практики, Росс с одобрением сравнил свой опыт «депрограммирования» с методами, применяемыми против Фалуньгун, фактически поставив знак равенства между своими действиями и репрессиями в Китае.

Чтобы понять всю чудовищность этого одобрения, необходимо в деталях представлять, что именно представляет собой китайское «депрограммирование». Согласно многочисленным свидетельствам жертв и отчетам международных правозащитных организаций, после ареста последователей Фалуньгун, независимо от их возраста, пола и состояния здоровья, подвергают систематическим и изощренным пыткам с целью сломить их волю и заставить отречься от своих убеждений. Жертв принуждают к круглосуточному просмотру клеветнических пропагандистских фильмов и лишают сна на

протяжении многих дней, что приводит к психологическому истощению. К ним применяются жестокие избиения, подвешивание в болезненных позах на длительное время, а также пытки водой и холодом. Используются электрические дубинки, которыми наносят удары по наиболее чувствительным частям тела, таким как грудь, рот и половые органы. Кроме того, практикуется сексуальное насилие, включая групповые изнасилования и пытки с введением посторонних предметов в половые органы и анальное отверстие.

Поддержка подобных зверств со стороны человека, который сам десятилетиями практиковал похищения и психологическое насилие, не может быть объяснена идеологической убежденностью или заботой о людях. Это не ошибка и не заблуждение. Это проявление глубинного психологического родства палача с палачами. Открыто одобряя государственные пытки в Китае, западный антикультист лишь подтверждает, что его собственная практика «депрограммирования» была продиктована теми же садистскими импульсами, которые движут тюремщиками в китайских лагерях. Разница лишь в масштабе и наличии государственной лицензии на насилие.

Это наблюдение напрямую подтверждает гипотезу, высказанную в самом начале нашего расследования:

«Туда идут те, кто жаждут крови, те, кому нравится причинять боль и страдание людям... это садисты и маньяки... это психически нездоровые люди».

Антикультизм предоставляет этим людям уникальную социальную нишу, где их патология не только не порицается, но и вознаграждается — статусом, влиянием, медийной известностью и, нередко, значительными гонорарами.

Разумеется, ни один антикультист не признается публично в своих истинных мотивах. Для маскировки и самооправдания используется сложный аппарат демагогической риторики, основанный на инверсии понятий и апелляции к высшим ценностям. Классическим примером такой риторики является высказывание

главы российской антикультовой ассоциации РАЦИРС Александра Дворкина о Фалуньгун:

«На самом деле, мы против Фалуньгун, потому что мы за подлинную истину, за доброту и за терпение. Потому что нет истины вне Христа, и невежественный шарлатан Ли Хунчдзи, который заявляет себя воплощением истины, является скорее воплощенной ложью. Никакой доброты и терпения нет в том, чтобы посылать своих приверженцев на заключение в тюрьмы и на смерть».

Это высказывание — образец пропагандистского приема, разобранный в первой части этой главы. Дворкин монополизировал универсальные ценности — истину, доброту, терпение — и объявляет своих оппонентов их врагами. Он выступает не просто как критик, а как защитник и носитель абсолютного блага.

Наиболее циничной является последняя фраза: «Никакой доброты и терпения нет в том, чтобы посылать своих приверженцев на заключение в тюрьмы и на смерть». Это классическая инверсия, перекладывание вины с палача на жертву. Ведь именно деятельность антикультистов, их «экспертные заключения» и доносы, их сотрудничество с репрессивными режимами приводят к тому, что люди оказываются в тюрьмах и погибают. Не учение «посылает» их на смерть, а конкретные действия конкретных людей, прикрывающихся риторикой о «доброте и терпении».

Подобная демагогия выполняет две функции. Во-первых, она создает позитивный образ антикультиста в глазах непосвященной аудитории. Во-вторых, и это, возможно, важнее, она служит механизмом психологической защиты для самого антикультиста, позволяя ему не видеть пропасть между декларируемыми им ценностями и реальными последствиями его действий. Он не подстрекатель к насилию, он — «воин света». Типичный антикультист воспринимает себя не как пособник палачей, а как «защитник истины». Его психологический портрет складывается из склонности к агрессии и доминированию, часто уходящей корнями в криминальное или маргинальное прошлое, которая находит

легитимный выход в «борьбе с сектами». Глубоко скрытые садистские наклонности и жажда власти реализуются через практики насильственного воздействия на личность, принося удовлетворение от соучастия в страданиях жертв. При этом антикультист использует демагогическую риторику и идеологические конструкции как механизм самооправдания, маскируя истинные мотивы как от общества, так и от самого себя.

Понимание этой психологии имеет решающее значение. Оно позволяет видеть за высокопарными словами о «духовной безопасности» холодный расчет, за «заботой о жертвах» — жажду власти, а за «экспертным мнением» — тщательно замаскированную лицензию на ненависть.

Предвестие террора

Идеология не существует в вакууме. Любая доктрина, провозглашающая одну группу людей неполноценной по отношению к другой, неизбежно стремится к практическому воплощению — к действиям, которые закрепят эту иерархию в реальности. В этом смысле антикультизм не является исключением. Его псевдонаучная теория «контроля сознания» и пропагандистская дегуманизация верующих были не просто академическими упражнениями. Они стали прямым идеологическим обоснованием для конкретной практики насилия, известной как «депрограммирование».

Именно «депрограммирование» стало той точкой, где абстрактная ненависть антикультизма материализовалась в физические страдания конкретных людей. Эта практика, расцветшая на Западе в 1970–1990-х годах, была ранней, частной формой того государственного террора, который впоследствии с одобрения тех же антикультистов был развернут в промышленных масштабах в Китае. Изучение «депрограммирования» — это изучение генезиса антикультового насилия, позволяющее понять, как риторика ненависти неизбежно перерастает в террор.

«Депрограммирование» представляет собой насильственный метод изменения мировоззрения человека, основанный на его похищении, принудительной изоляции и оказании интенсивного психологического и физического давления. Процесс начинался с заказа и оплаты, носивших сугубо коммерческий характер: обеспокоенные родственники члена нового религиозного движения обращались в антикультовую организацию, такую как американская Cult Awareness Network (CAN), которая за значительный, часто завышенный гонорар предоставляла услуги «депрограммера», например, Рика Росса. Затем следовало похищение, когда «депрограммер» и его сообщники, нередко при участии родственников, организовывали насильственный захват человека, которого могли схватить на улице, выманить обманом или силой

затащить в автомобиль. Похищенного перевозили в уединенное место, такое как мотель или загородный дом, где полностью лишали связи с внешним миром, отбирали телефон и документы, ограничивали свободу передвижения, запирали двери и окна, устанавливали круглосуточное наблюдение. Далее начинался многодневный, а иногда и многонедельный марафон психологического давления, в ходе которого «депрограммер» и его команда, сменяя друг друга, вели с жертвой непрерывные «беседы», направленные на слом ее воли и принуждение к отречению от убеждений. Использовались различные манипулятивные техники: жертву лишали сна, заставляя участвовать в круглосуточных «сеансах», принуждали читать антикультовую литературу и смотреть пропагандистские фильмы, высмеивали ее убеждения, объявляли духовные переживания галлюцинациями, а лидеров группы — мошенниками и преступниками, активно вовлекали плачущих родственников, обвинявших жертву в разрушении семьи, угрожали принудительной госпитализацией в психиатрическую клинику, если она не «придет в себя». Если психологическое давление не давало результата, применялось физическое насилие, от удержания силой до прямых побоев. Конечной целью было добиться от жертвы словесного отречения от веры, и многие, доведенные до полного физического и нервного истощения, симулировали согласие, чтобы прекратить пытку и получить возможность сбежать.

Юридически данная практика в большинстве демократических стран является совокупностью тяжких уголовных преступлений: похищение человека, незаконное лишение свободы, истязание. Однако антикультовая идеология создавала для этих действий «дымовую завесу», представляя преступников «спасителями», а их жертв — «пациентами», нуждающимися в принудительном «лечении».

Стоит отметить, что антикультист Александр Дворкин был тесно связан с организацией Cult Awareness Network (CAN), которая и стала символом подобной «дымовой завесы». Эмигрировав из СССР в

США, Дворкин вошёл в CAN, принимавшую участие в насильственных «депрограммированиях» последователей новых религиозных движений. В эфире программы «Времечко» 16 апреля 1996 года он прямо заявлял:

« — *Корреспондент:* С какой организацией вы сотрудничаете прежде всего?

— *Дворкин:* Она называется CAN. Это сеть по распознаванию культов».

Несмотря на то, что к началу 1990-х ФБР уже расследовало деятельность CAN, Дворкин поддерживал с ней контакты. В 1994 году он организовал «антисектантский» семинар, куда в качестве докладчика пригласил одного из членов CAN Рональда Энрота.

Таким образом, опыт и методы, с которыми Дворкин познакомился в рамках Cult Awareness Network, он фактически перенёс на российскую почву: выстроил сеть «антикультовых» инициатив, стремясь применять практики манипуляции и подавления уже в отношении граждан России, превращая эту технологию в инструмент внутренней политики против собственных соотечественников, а не против истинного врага России.

Долгое время «депрограммерам» удавалось избегать серьёзной ответственности. Однако в 1990-х годах серия судебных процессов положила конец этой безнаказанности. Поворотным моментом, юридически закрепившим преступный характер «депрограммирования», стало дело «Джейсон Скотт против Рика Росса и Cult Awareness Network (CAN)».

Дело Джейсона Скотта против Рика Росса и Cult Awareness Network (CAN) стало не просто частным судебным спором, а юридическим приговором всей индустрии антикультового насилия. Джейсон Скотт, 18-летний член пятидесятнической группы «Церковь Жизни», выступил истцом, обвиняя Рика Росса, профессионального депрограммера, крупнейшую антикультовую организацию США CAN и двух сообщников Росса. В 1991 году мать Скотта, обеспокоенная религиозным выбором сына, по рекомендации CAN наняла Росса. Он

и его сообщники похитили Скотта и в течение пяти дней подвергали его принудительному «депрограммированию» в доме на берегу океана. Скотту удалось сбежать и обратиться в полицию. В 1994 году он подал гражданский иск, обвиняя ответчиков в нарушении его гражданских прав, включая свободу вероисповедания, незаконном лишении свободы и причинении тяжелого морального вреда. В 1995 году суд присяжных в штате Вашингтон единогласно признал всех ответчиков виновными в заговоре с целью нарушения гражданских прав истца. Суд присудил беспрецедентную компенсацию: 875,000 долларов за прямой ущерб, 1,000,000 долларов в качестве штрафных санкций для CAN, 2,500,000 долларов в качестве штрафных санкций для Росса и по 250,000 долларов для каждого из его сообщников, что в общей сложности составило почти 5,000,000 долларов. Ответчики подали апелляцию, но решение осталось в силе. Непосильный штраф привел к банкротству CAN, которая на тот момент была флагманом и координационным центром антикультового движения в США. Рик Росс также был вынужден объявить себя банкротом.

Дело Джейсона Скотта имеет фундаментальное значение, поскольку в суде было неопровержимо доказано, что «депрограммирование» является не помощью, а преступлением, а действия Рика Росса и Cult Awareness Network (CAN) квалифицированы не как ошибочная терапия, а как злонамеренный заговор. Суд установил, что антикультовые организации несут прямую юридическую ответственность за насилие, совершаемое нанятыми ими «экспертами». Защита ответчиков, пытавшаяся представить Скотта как «жертву культа», нуждавшуюся в «спасении», и апеллировавшая к концепции «контроля сознания» как оправданию, была полностью отвергнута судом.

Этот вердикт стал юридическим некрологом для практики «депрограммирования» в ее классической форме. Однако идеология, породившая ее, не исчезла. Она лишь мутировала, перейдя от частного насилия к лоббированию государственного.

Логика, оправдывающая похищение и пытки одного человека, с легкостью масштабируется для оправдания массовых репрессий против тысяч. Если можно насильно «депрограммировать» одного «сектанта» ради его «блага», то почему нельзя создать государственную систему лагерей для «перевоспитания» миллионов, если они объявлены угрозой «стабильности»?

Именно этот переход от индивидуального насилия к государственному террору мы наблюдаем на примере Китая. Идеологические инструменты, отточенные западными антикультистами, были взяты на вооружение Коммунистической партией Китая для оправдания геноцида последователей Фалуньгун.

Ключевым инструментом легитимации этого террора в глазах населения стал «метод навязанных преступлений», который был применен в ходе инсценировки самосожжения на площади Тяньаньмэнь в 2001 году. Это событие, широко освещенное государственными СМИ, преследовало одну цель: ложно связать мирную духовную практику с экстремизмом, насилием и суицидом, чтобы представить ее как «смертельно опасное движение». Этот пропагандистский трюк позволил властям устранить последний сдерживающий фактор — остатки сочувствия к преследуемым в китайском обществе. Кампания по дегуманизации достигла своей цели: для населения действия властей теперь выглядели не как атака на инакомыслящих, а как защита граждан от «разрушительного влияния злого культа».

С этого момента репрессивная машина получила полный карт-бланш. То, что Рик Росс делал в мотелях с отдельными людьми, китайский режим начал делать в промышленных масштабах в сотнях тюрем и «центров трансформации». Методы поразительно схожи: лишение сна, избиения, психологическое давление, принуждение к отречению. Но к ним добавились еще более чудовищные практики, ставшие возможными благодаря неограниченной государственной власти: пытки электрошоком, сексуальное насилие и, как утверждает в многочисленных независимых расследованиях

(включая доклады Килгура-Мэйтаса и выводы Китайского трибунала), насильственное извлечение органов у живых узников совести для продажи на рынке трансплантации.

Глава 2. Русский след: экспорт антикультовой модели в Китай

В предыдущей главе мы провели анализ идеологии и институциональной структуры современного антикультизма, вскрыв его псевдонаучный фундамент, пропагандистские технологии и психологический портрет его сторонников. Мы установили, что антикультизм по своей сути является идеологией ненависти, предоставляющей лицензию на насилие, которая неизбежно эволюционирует от частной агрессии к соучастию в государственном терроре. Теперь мы переходим от теоретического анализа к практическому — к расследованию одного из самых зловещих и

документально подтвержденных эпизодов в истории этого движения: сознательного и целенаправленного экспорта российской антикультовой модели в Китайскую Народную Республику.

Центральный тезис данного расследования заключается в том, что российское антикультовое движение в лице его ключевых фигур — Александра Дворкина, Александра Новопашина и возглавляемой ими организации РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) — выступило не просто в роли сочувствующего наблюдателя, а в качестве активного экспортера и соучастника в кампании геноцида, развязанной Коммунистической партией Китая (КПК) против последователей духовного движения Фалуныгун.

Российские «сектоведы» не ограничились теоретической поддержкой, предоставив китайскому репрессивному аппарату готовый идеологический продукт. Они разработали псевдонаучную терминологию, такую как «тоталитарная секта» и «коммерческий культ», которая позволяла замаскировать политические репрессии под вид научной и общественно-полезной деятельности. Их «экспертные» заключения и публичные заявления дегуманизировали жертв, легитимизируя их уничтожение в глазах как внутреннего, так и внешнего наблюдателя. Кроме того, они предложили структурный план для развертывания общенациональной сети антикультовых центров, координирующих преследования на местах.

Для любой совместной операции необходима точка формального старта, событие, которое закрепляет намерения сторон и служит публичной декларацией их союза. Для российско-китайского антикультового альянса таким событием стала международная научно-практическая конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века», состоявшаяся 23–25 апреля 2001 года в Нижнем Новгороде. Это мероприятие, организованное по инициативе Александра Дворкина, стало не просто площадкой для обмена мнениями, а первым актом сознательной передачи идеологического оружия в руки китайского режима.

Время проведения конференции имеет решающее значение. Кампания по искоренению Фалуньгун была запущена Цзян Цзэмином в июле 1999 года. К 2001 году репрессивная машина работала на полную мощность. Международная общественность возлагала вину за эти репрессии исключительно на КПК, из-за чего Коммунистическая партия Китая столкнулась с волной осуждения со стороны правозащитных организаций на международном уровне. Однако, с самого начала притеснений против Фалуньгун идеологическую роль в этом процессе сыграли так называемые антикультовые организации не только в самом Китае, но и за его пределами.

Проводимая в России международная конференция, организованная Александром Дворкиным, с участием «экспертов» из нескольких стран, создавала иллюзию независимого и авторитетного научного форума. Приглашение на нее официального представителя из Китая было не просто жестом вежливости, а стратегическим ходом обеих сторон. Для Дворкина это был шанс повысить международный статус своего мероприятия и заручиться поддержкой мощной государственной машины. Для КПК — уникальная возможность «отмыть» свою репутацию и получить международное «экспертное» одобрение для продолжения террора.

Ключевой фигурой, символизировавшей этот нарождающийся альянс, стал профессор Чжан Байчунь из Пекина. Его роль заключалась в том, чтобы представить дегуманизацию Фалуньгун в респектабельной, наукообразной и легитимной упаковке. Важнейшей деталью, зафиксированной в отчетах, является то, что он прибыл на конференцию не по своей инициативе, а по прямому приглашению организатора. Как было заявлено в ходе его выступления, профессор Чжан Байчунь прибыл на конференцию по личному приглашению Александра Дворкина. Этот факт неопровержимо доказывает, что инициатива по установлению публичного сотрудничества исходила именно с российской стороны. Дворкин целенаправленно искал

контактов с представителями китайских репрессивных структур и предоставил им международную трибуну.

В своем докладе «Секты и государство в современном Китае» Чжан Байчунь методично решал поставленную перед ним пропагандистскую задачу. Он не просто рассказывал о ситуации в Китае, а активно заимствовал и адаптировал риторику российских антикультистов, чтобы сделать свой меседж понятным и приемлемым для аудитории. Кульминацией этого процесса стало использование термина, взятого непосредственно из арсенала Дворкина. Анализируя деятельность Фалуньгун, Чжан Байчунь назвал движение «коммерческой сектой».

Это не случайная оговорка. Традиционный термин, используемый пропагандой в Китае — *xie jiao* (邪教), что переводится как «злой культ» или «еретическое учение». Этот термин несет в себе сильный идеологический и эмоциональный заряд, но лишен наукообразия. Термин же «коммерческая секта» был заимствован напрямую из книги Дворкина «Сектоведение», где он используется как одно из клейм для дискредитации неугодных движений.

Принимая на вооружение лексикон Дворкина, китайский представитель совершал акт идеологической мимикрии. Он переводил грубую политическую директиву («уничтожить Фалуньгун») на псевдонаучный язык российского антикультизма, который, в свою очередь, является калькой с языка западных антикультовых движений. Цель этой манипуляции — представить репрессии не как подавление духовного инакомыслия, а как борьбу государства с недобросовестной коммерческой организацией, обманывающей своих последователей.

Главным практическим результатом конференции стало принятие Итогового документа, который зафиксировал выводы и рекомендации участников. Этот документ стал одним из первых международных прецедентов, где Фалуньгун был официально, на уровне «экспертного сообщества», приравнен к опаснейшим деструктивным организациям. В разделе, перечисляющем угрозы,

Итоговый документ Нижегородской конференции внес движение Фалуньгун в список «наиболее известных и опасных современных деструктивных культов». Решение, принятое единогласно 201 участником Конференции из 7 стран, включая Россию и Китай, как подчеркивается в официальных материалах, имело далеко идущие последствия. Движение Фалуньгун, мирная практика самосовершенствования, не имевшая на тот момент в России никаких юридических претензий, было безосновательно и бездоказательно внесено в «черный список» Дворкина, что стало актом заочного осуждения и клеймения. Это решение позволило китайским властям ссылаться на «авторитетное мнение международных экспертов», собравшихся в России, для оправдания своих репрессий, парируя обвинения в нарушении прав человека аргументом, что даже российские и европейские специалисты признают Фалуньгун опасным культом. Кроме того, включение Фалуньгун в этот список заложило идеологическую основу для будущих репрессий в России, где данный документ впоследствии неоднократно использовался для инициирования проверок, запрета литературы и преследования последователей Фалуньгун в РФ.

Таким образом, конференция в Нижнем Новгороде была первым публичным шагом в экспорте российской модели ненависти в Китай. Если конференция 2001 года заложила фундамент российско-китайского антикультового альянса, то визит Александра Дворкина в Пекин и Шанхай в мае 2008 года, где он провел ряд деловых встреч с китайскими коллегами, стал его кульминацией. В этот раз Дворкин выступал уже не как организатор, принимающий гостей, а как почетный гость и главный международный спикер на мероприятии, устроенном непосредственно китайским репрессивным аппаратом. Дворкин призвал все государственные силы объединиться в борьбе с сектами. Его заявления, сделанные в самом сердце государства и распространенные его главными пропагандистскими рупорами, являются прямым и неопровержимым доказательством того, что он

не просто причастен, а фактически направляет государственные власти к преступлениям против собственных граждан.

Май 2008 года — знаковый период для Китая. Страна готовилась принять летние Олимпийские игры, и внимание всего мира было приковано к Пекину. Несмотря на официальную олимпийскую риторику об «открытости» и «дружбе народов» проводилась масштабная «зачистка» внутреннего пространства от любых проявлений инакомыслия. Правозащитные организации фиксировали резкий всплеск арестов, задержаний и пыток в отношении активистов, диссидентов и, в первую очередь, последователей Фалуньгун.

Визит видного российского «эксперта по сектам», поразительным образом совпала с ужесточением репрессий. Он позволил нейтрализовать международную критику, продемонстрировав, что «авторитетные европейские ученые» поддерживают геноцид клеймённых организаций, показав, что эта «работа» одобряется за рубежом, а также усилил демонизацию Фалуньгун в глазах китайского населения, используя авторитет иностранного «профессора».

Дворкин был приглашен в Пекин Китайской ассоциацией сектоведческих исследований (КАСИ) — государственной структурой, созданной в рамках аппарата по борьбе с Фалуньгун. С 5 по 13 мая он принял участие в китайско-российском форуме, выступил с докладом и провел пресс-конференцию для ведущих государственных СМИ, включая главное информационное агентство страны «Синьхуа».

Интервью Александра Дворкина агентству «Синьхуа» в мае 2008 года представляет собой программное заявление, сделанное на главной пропагандистской платформе Китая и адресованное миллионам людей. Каждая фраза в нем тщательно выверена для достижения максимального дегуманизирующего эффекта, что делает его не просто частным мнением, а текстом, заслуживающим детального анализа из-за его преступного характера. Дворкин

называет «культы» раковыми клетками в здоровом теле общества, используя метафору, которая была краеугольным камнем нацистской пропаганды, где евреи и другие меньшинства изображались как «раковая опухоль» на теле арийской нации. Эта риторика полностью выводит объект ненависти из человеческого и правового поля, представляя его как нечто, с чем не ведут диалог и что не наделяют правами, а вырезают, выжигают или травят, словно при хирургии. Произнося эти слова в стране, где последователей Фалуньгун уже девять лет преследовали, заключали в тюрьмы и лагеря, Дворкин фактически оправдывал их физическое уничтожение, выступая языком не ученого или богослова, а архитектора геноцида, для которого массовое убийство — это «социальная хирургия».

Дворкин утверждает, что Фалуньгун — это международный культ, призывая все «здоровые и праведные силы» мира объединиться для борьбы с такими группами. Этим он решает две задачи: представляет Фалуньгун не как мирное духовное движение, а как международную мафию или террористическую сеть, оправдывая жесткие меры против него, и позиционирует репрессивную политику КПК как авангард глобальной борьбы за «здоровье» цивилизации, призывая мир присоединиться к этому «крестовому походу». Он выступает как «министр иностранных дел» антикультового интернационала, переворачивая восприятие репрессий с нарушения прав человека на борьбу за общее благо.

Утверждая, что последователи Фалуньгун «не принадлежат ни к одной стране» и полностью подчиняются воле Ли Хунчжи, Дворкин использует классический пропагандистский прием, направленный на отчуждение группы от общества и лишение ее гражданских прав. Представляя их как «пятую колонну» или «безродных космополитов», управляемых извне, он дает силовым структурам основание для обвинений в шпионаже, измене или подрыве национальной безопасности. Это лишает последователей конституционных гарантий, представляя их как вражеских агентов, подлежащих нейтрализации.

Дворкин также заявляет, что «культы» превращают людей в своих инструментов и разрушают семьи, апеллируя к базовым страхам обывателей. Этот штамп переводит дискуссию с политических и духовных свобод на уровень бытовых семейных трагедий, закрепляя в массовом сознании образ последователей Фалуньгун как асоциальных элементов, угрожающих семье и детям. Это создает атмосферу бытовой ненависти и страха, в которой жестокость властей воспринимается как оправданная защита «нормальных» людей.

Итоговая оценка заявлений Дворкина однозначна. Как справедливо отмечают исследователи, анализировавшие этот визит, его риторика, особенно в контексте продолжающихся зверств, «дегуманизировала практикующих Фалуньгун» и «легитимизировала искоренение посредством задержаний и даже убийств».

Александр Дворкин, представленный китайскими государственными СМИ как ведущий европейский авторитет, профессор и богослов, публично благословил государственный террор. Он предоставил режиму самое ценное из возможных оружий — моральное и «научное» оправдание. Его визит в Пекин в 2008 году — это не просто эпизод сотрудничества, это акт идеологического соучастия в геноциде.

Сотрудничество между российскими антикультистами и китайским режимом не ограничивалось разовыми визитами и громкими заявлениями. Анализ имеющихся данных вскрывает системную и многолетнюю работу по передаче не только идеологии, но и конкретных организационных технологий репрессий. РАЦИРС и лично Александр Дворкин выступили в роли консультантов и наставников для китайских коллег, помогая им выстроить эффективную машину подавления инакомыслия по образцу нацистов.

Роль Александра Дворкина не ограничивалась символическим присутствием на пропагандистских форумах. Он активно участвовал в передаче своего практического опыта по созданию антикультовой

инфраструктуры. Китайские антикультовые специалисты целенаправленно посещали семинары Дворкина в России, где он излагал свои псевдонаучные теории и обучал конкретным методам «противодействия сектам», прямо указывая на Фалуньгун как на одну из главных угроз, что представляло собой прямой трансфер знаний и методик от российского «эксперта» к исполнителям репрессий на местах. Наиболее убедительным доказательством системного экспорта является то, что китайские власти начали выстраивать свою антикультовую сеть, копируя российскую модель, созданную Дворкиным в 1993 году, состоящую из головного центра в Москве и аффилированных региональных «консультационных пунктов», часто на базе епархий РПЦ. Аналогично российскому примеру Китай приступил к созданию антикультовых центров в каждой провинции, фактически копируя эту структуру, которая оказалась идеальной моделью для централизованного управления кампанией террора в масштабах огромной страны, где каждый провинциальный центр становился штабом по сбору информации, координации действий полиции и ведению пропаганды против последователей Фалуньгун на своей территории. Сотрудничество не прекратилось и после 2008 года: Дворкин продолжал оказывать идеологическую поддержку китайскому режиму, выступая с лекциями против «тоталитарных культов» в Харбине в 2017 году и регулярно критикуя группы, преследуемые в Китае. Доказательством того, что сотрудничество с китайскими репрессивными органами является не личной инициативой Дворкина, а стратегической линией всей организации РАЦИРС, служит активное участие в этом процессе ее вице-президента, протоиерея Александра Новопашина, который разделяет взгляды своего руководителя и лично вносит вклад в укрепление альянса с КПК, неоднократно посещая Китай для участия в антикультовых мероприятиях, включая форум «Противодействие государства деструктивным культам» в Харбине в 2017 году и «2-ю китайско-российскую конференцию по культурному обмену и противодействию псевдорелигиозной секте Фалуньгун» в

Харбине в 2019 году, демонстрируя преемственность и долгосрочный характер партнерства.

Само название последней конференции не оставляет пространства для интерпретаций. Это было целенаправленное мероприятие, посвященное координации усилий по борьбе с конкретным духовным движением. Выступая на этих площадках, Новопашин полностью повторял риторику Дворкина и китайской пропаганды, называя Фалуньгун «опасным и диким культом» и цинично отзываясь о многочисленных и задокументированных свидетельствах пыток как о «легендах». Это демонстрирует единую, согласованную позицию руководства РАЦИРС: полная поддержка политики КПК и активное отрицание ее преступлений.

На институциональном уровне между российской РАЦИРС и Китайской ассоциацией сектоведческих исследований (КАСИ) сложились прочные симбиотические отношения, выгодные обеим сторонам. Китайская КАСИ, фактически являющаяся пропагандистским отделом государственного «Офиса 610», созданного специально для искоренения Фалуньгун, получала в лице Александра Дворкина и РАЦИРС бесценный внешний актив. Заключение и заявления Дворкина, который также был вице-президентом европейской антикультовой федерации FECRIS, использовались для придания видимости легитимности и научности репрессивной кампании, а риторика о «борьбе с сектами» позволяла маскировать грубое подавление свободы совести под благовидным предлогом защиты общества. В свою очередь, для Дворкина и РАЦИРС сотрудничество с Китаем стало способом значительно повысить свой статус и влияние. Китайские государственные СМИ и антикультовые ресурсы регулярно и с большим почтением освещали деятельность Дворкина, представляя его как ведущего мирового эксперта, что создавало ему авторитет не только в Китае, но и внутри России, где он мог позиционировать себя как фигуру международного масштаба. Альянс с государственной машиной целой страны, ведущей тотальную войну с «сектой», служил для

Дворкина и его последователей мощным подтверждением правильности и важности их собственной миссии.

Этот симбиоз превратил РАЦИРС в эффективный инструмент по отмыванию репутации китайского режима. В то время как правозащитники по всему миру били тревогу о концлагерях, пытках и насильственном извлечении органов, российские «сектоведы» стояли плечом к плечу с палачами, уверяя мир, что это всего лишь необходимая «борьба с раковыми клетками».

Таким образом, экспорт ненависти из России в Китай был комплексным, многоуровневым процессом, включавшим в себя передачу идеологии, пропагандистского языка, организационных моделей и практическое обучение кадров. Александр Дворкин и его организация РАЦИРС стали его идейными наставниками и архитекторами его пропагандистской легитимации.

Механизм манипуляции. От идеологии к пыткам

Для того чтобы репрессивная машина заработала на полную мощность, недостаточно просто объявить группу людей врагами. Антикультовая сеть сумела так выстроить свою стратегию влияния, что именно она убедила власти и силовые структуры Китая увидеть во Фалуньгун «злого врага» или «американских агентов». Одних лишь обвинений было недостаточно, чтобы запустить репрессивный механизм на полную мощность: требовалось создать видимость доказательств «опасности», способных убедить и население, и зарубежных наблюдателей. Антикультисты предоставили решение — они сплели союз с официальными структурами и навязали собственную риторику. Благодаря их кампаниям ярлык «xie jiao» («злой культ») был «отмыт» и переупакован в кажущийся научным термин «деструктивный культ», а постановочные «преступления» помогли окончательно сформировать в глазах общества образ опасного врага.

23 января 2001 года, в 14:41 по пекинскому времени, государственное информационное агентство «Синьхуа» выпустило срочное сообщение: на площади Тяньаньмэнь несколько человек, предположительно последователи Фалуньгун, совершили попытку саможжения. Согласно официальной версии, в акции участвовали семь человек. Пятеро из них успели поджечь себя, в результате чего одна женщина, Лю Чуньлин, скончалась на месте, а ее 12-летняя дочь Лю Сын и еще трое получили тяжелейшие ожоги.

Реакция государственных СМИ была беспрецедентной по своей скорости и масштабу. Уже через несколько часов CCTV выпустило в эфир подробный репортаж, содержащий шокирующие кадры горящих людей, паникующих туристов и героических полицейских, спасающих пострадавших. В последующие дни и недели эта тема стала центральной во всех средствах массовой информации Китая. Газеты, телевидение и радио захлестнула волна статей, документальных фильмов и ток-шоу, в которых «эксперты», «бывшие последователи» и «представители общественности» в один голос осуждали «бесчеловечную природу культа Фалуньгун», который якобы толкает людей, включая детей, на чудовищное самоубийство.

Пропагандистский посыл был прост, брутален и эффективен:

«Смотрите, что делает Фалуньгун! Он заставляет матерей сжигать себя и своих детей. Это не духовная практика, это смертельно опасный культ. Правительство, защищая вас, обязано уничтожить эту заразу».

До этого момента значительная часть китайского общества воспринимала репрессии против Фалуньгун как неоправданно жестокие. Миллионы граждан практиковали цигун, и Фалуньгун для многих был лишь одной из его разновидностей, направленной на оздоровление и нравственное самосовершенствование. Аресты мирных, законопослушных граждан, многие из которых были их соседями, коллегами или родственниками, вызывали недоумение и сочувствие.

Параллели в действиях антикультовой сети очевидны и пугающе схожи с методами, применявшимися в нацистской Германии и наблюдаемыми сегодня в России. Антикультисты проникают в СМИ, распространяя ложную информацию, не подкреплённую доказательствами или правдой. Тысячи публикаций, репортажей и ток-шоу, наполненных вымышленными историями и голословными обвинениями, создают образ врага, оправдывая репрессии. Как и в случае с Фалуньгун, эта тактика направлена на манипуляцию общественным сознанием, разжигание страха и ненависти, чтобы легитимизировать насилие и подавление под видом защиты общества.

В интервью BBC представитель посольства КНР в Вашингтоне Чжан Юань-Юань прямо заявил, что этот случай «доказывает, что Фалуньгун калечит и убивает людей», и полностью оправдывает жесткую политику правительства. Для миллионов китайцев, не имеющих доступа к альтернативным источникам информации, эти кадры стали абсолютной истиной. Сочувствие к преследуемым сменилось страхом и ненавистью. Путь к геноциду был расчищен.

Пока китайская пропаганда праздновала победу, на Западе начали возникать вопросы. Одним из первых, кто усомнился в официальной версии, стал глава пекинского бюро газеты *The Washington Post* Филипп Пэн. Он не стал доверять пресс-релизам «Синьхуа» и провел собственное журналистское расследование, результаты которого были опубликованы 4 февраля 2001 года в статье под заголовком «Человеческий огонь разжигает китайскую тайну» (*Human Fire Ignites Chinese Mystery*).

Пэн отправился в город Кайфэн, откуда, по официальной версии, были родом погибшая Лю Чуньлин и ее дочь Лю Сын. Он опросил их соседей и знакомых, и то, что он выяснил, нанесло первый сокрушительный удар по легенде СМИ.

Ключевой вывод расследования Филипа Пэна: никто из опрошенных им людей никогда не видел, чтобы Лю Чуньлин практиковала Фалуньгун. Соседи описывали ее как женщину,

которая «работала в ночном клубе, принимая деньги за общение с мужчинами», имела проблемы в отношениях с матерью, которую она была, и иногда была собственной дочь.

Этот портрет не имел ничего общего с образом последователя Фалуньгун — движения, которое ставит во главу угла строгие моральные принципы, включая запрет на убийство, насилие и распутный образ жизни. Таким образом, как минимум одна из ключевых участниц инсценировки не имела к Фалуньгун никакого отношения. Это была не «жертва культа», а, по всей видимости, нанятая или принужденная к участию в провокации женщина с тяжелой судьбой и личными проблемами.

Публикация *The Washington Post* показала, что официальная версия, как минимум, сомнительна. Но самые неопровержимые доказательства постановки содержались в том самом видео, которое с такой гордостью демонстрировала CCTV.

Видеозапись самосожжения, показанная китайским телеканалом CCTV, должна была стать главным доказательством против Фалуньгун, но вместо этого обернулась обвинительным актом против самого режима. Независимый покадровый анализ выявил множество несостыковок, опровергающих версию о спонтанном акте отчаяния и указывающих на постановочный спектакль. Полиция отреагировала на возгорание первого человека с невероятной скоростью: через считанные секунды десятки полицейских с огнетушителями начали тушить огонь. На огромной площади Тяньаньмэнь, где ближайшее здание с противопожарным оборудованием находится в нескольких минутах ходьбы, такое количество огнетушителей не могло появиться мгновенно, поскольку полицейские патрули их не носят. Это говорит о том, что полиция и оборудование были заранее подготовлены, так как власти знали о предстоящем событии, а полицейские выступали не спасателями, а частью съемочной группы.

Инцидент снят профессионально с нескольких ракурсов, включая панорамные общие планы, статичные средние планы и

крупные планы лиц участников, снятые с уровня земли. Камера следует за событиями, приближаясь и удаляясь, чего не могут обеспечить стационарные камеры наблюдения на высоких мачтах. Это указывает на работу профессиональной съемочной группы с портативными камерами, заранее расставленной на ключевых позициях, что делает видео не репортажем, а постановочной съемкой.

Самый шокирующий момент запечатлен в замедленной версии записи CCTV: когда Лю Чуньлин горит, к ней подбегает человек в военной шинели и наносит сильный удар по затылку тяжелым предметом, предположительно металлическим прутом или дубинкой. Женщина резко падает, а траектория и сила удара указывают на его смертоносный характер. Несмотря на это, официальная версия утверждает, что она умерла от ожогов, игнорируя зафиксированное убийство. Это говорит о том, что Лю Чуньлин была убита сотрудником спецслужб, чтобы обеспечить наличие смертельной жертвы для пропагандистского эффекта.

Через несколько дней после трагедии 12-летняя дочь Лю Чуньлин, Лю Сын, дала ясное и разборчивое интервью в больничной палате, несмотря на свежую повязку после трахеотомии, и даже спела песню для репортеров CCTV. Медицинские эксперты единогласно утверждают, что говорить, а тем более петь после такой операции невозможно, так как голосовые связки находятся выше места разреза, и для речи требуется специальный клапан, который не устанавливают в острой фазе лечения ожогов. Это означает, что интервью было либо сфабриковано, либо записано до операции. Вскоре после этого девочка, которая, по словам врачей, шла на поправку, внезапно умерла, что устранило ключевого свидетеля, способного раскрыть правду.

На одном из кадров «самосожженец» Ван Цзиньдун сидит в позе лотоса в огне, а между его ног стоит зеленая пластиковая бутылка из-под «Спрайта», предположительно с бензином. Тонкая пластиковая бутылка не могла остаться целой в эпицентре

бензинового пламени, а волосы Ван Цзиньдуна, которые должны были сгореть мгновенно, остаются практически нетронутыми, хотя его одежда охвачена огнем. Это противоречит законам физики и указывает на использование асбестовой одежды и горючего геля с низкой температурой горения, а бутылка, вероятно, была подложена как реквизит.

Поведение Ван Цзиньдуна также вызывает вопросы: когда на него накидывают противопожарное одеяло, он не пытается его сбросить, как сделал бы человек в агонии, а продолжает сидеть в медитативной позе, выкрикивая не крики боли, а заученные пропагандистские лозунги. Это поведение больше похоже на игру актеров по сценарию, чем на действия человека, горящего заживо.

Совокупность этих доказательств не оставляет камня на камне от официальной версии. Инцидент на площади Тяньаньмэнь не был актом суицида. Это была хладнокровная, циничная и тщательно спланированная операция китайских антикультистов. В результате этой тотальной кампании в сознании большинства китайцев образ Фалуньгун был необратимо искажен. Из жертв репрессий последователи движения превратились в опасных фанатиков. Общественное сочувствие сменилось страхом, презрением и даже ненавистью. Это создало в обществе атмосферу молчаливого согласия с любыми, даже самыми жестокими, действиями властей.

Получив возможность действовать, антикультовая сеть, интегрировавшаяся в структуры управления, в частности в «Офис 610», превратила спорадические и хаотичные репрессии в централизованную и систематизированную индустрию террора. Именно антикультовая сеть стала главным архитектором этого процесса, используя «Офис 610» как инструмент для реализации своих садистских методов в отношении китайского народа.

«Офис 610», превратившийся в настоящий репрессивный спрут, опутавший всю страну, получил практически безграничные полномочия. Он мог отдавать прямые приказы всем силовым структурам, включая Министерство общественной безопасности,

Министерство государственной безопасности, суды и прокуратуру, координировать пропагандистскую работу в СМИ, системе образования и на предприятиях, создавать и контролировать внесудебные места заключения, а также распоряжаться огромными финансовыми ресурсами, выделенными на кампанию.

Действуя вне правового поля и подчиняясь напрямую высшему партийному руководству, «Офис 610» обеспечил беспрецедентную эффективность и жестокость репрессий. Власти на местах получили четкий сигнал: для «трансформации» последователей Фалуньгун можно использовать любые средства, и никакой ответственности за это не последует.

Сразу после инцидента по стране прокатилась волна повальных арестов. Была поставлена задача: *«ни один практикующий Фалуньгун не должен избежать принудительных мер»*. Милиция проводила облавы, врываясь в дома людей, чьи имена были в «черных списках». Арестовывали любого, кто отказывался публично осудить Фалуньгун и подписать гарантийное письмо об отказе от практики. По оценкам правозащитной организации Freedom House, число арестов резко возросло, и в последующие несколько лет десятки тысяч людей были отправлены в исправительно-трудовые лагеря без суда и следствия.

Одним из главных нововведений этого этапа стало создание по всей стране разветвленной сети «центров промывания мозгов» (кит. xǐnǎo bān), которые официально цинично именовались «классами юридического образования». Эти центры, вдохновленные практиками депрограммирования, подобными тем, что проводил Рик Росс, использовались антикультовой сетью для систематического психологического давления и принудительного «перевоспитания» последователей Фалуньгун, что стало ключевым инструментом в их репрессивной кампании. Эти учреждения представляли собой черный ящик в репрессивной системе, отличаясь внесудебным характером, поскольку для помещения в «центр промывания мозгов» не требовалось никакого формального решения, а людей могли

похитить прямо с улицы или с работы и удерживать там неограниченное время — недели, месяцы, а иногда и годы. Главной целью этих центров было не наказание, а принудительное идеологическое «перевоспитание» (zhuǎnhuà), направленное на психологическое и физическое сломление человека, чтобы он отрекся от своих убеждений. Для достижения этой «трансформации» применялся непрерывный цикл пыток, включающий лишение сна в течение многих дней, избиения, подвешивание, пытки электрическими дубинками, насильственное кормление через зонд концентрированным солевым раствором или экскрементами, а также сексуальное насилие.

Эти центры, часто располагавшиеся в заброшенных школах, отелях или даже храмах (как, например, в Чжучэне), стали конвейерами по уничтожению человеческой личности. После формальной отмены системы исправительно-трудовых лагерей в 2013 году многие из них были просто переименованы в «реабилитационные центры» или «центры коррекции», но их суть и методы остались прежними. Сеть этих внесудебных тюрем, контролируемая «Офисом 610», стала ключевым элементом в системе геноцида.

Такие действия не являются уникальными в истории. Они с поразительной точностью повторяют тактику, которую использовала нацистская Германия в 1930-х годах для легитимации своей антисемитской политики. Анализ параллелей между методами нацистской Германии и альянсом КПК с РАЦИРС и FECRIS (в том числе ССММ) показывает универсальную логику тоталитарных режимов, которые для совершения преступлений против человечности стремятся подавить внутреннее сопротивление и создать иллюзию международного консенсуса. Нацистская Германия формировала идеологические альянсы, и аналогично КПК нашла в РАЦИРС и FECRIS идеологических союзников и источник знаний об организации репрессий, создавая «антикультовый интернационал». Приглашая Александра Дворкина и других представителей на свои

форумы и участвуя в их конференциях, китайский режим формировал видимость международного научного консенсуса. Это позволяло представить репрессии против Фалуньгун не как нарушение прав человека, а как участие в «глобальной борьбе с опасными культами».

Нацистская пропаганда распространяла дегуманизирующую риторику через внешних деятелей, и аналогично КПК использовала «европейских экспертов» как рупоров ненависти. Выступления Дворкина на китайских государственных телеканалах, где он называл «культи» раковыми клетками, повторяя нацистскую риторику, имели мощный пропагандистский эффект. Для китайской аудитории слова «профессора из Европы» звучали как объективное научное заключение, а не как партийная директива.

Нацисты опирались на псевдонаучные обоснования ненависти, такие как расовая теория, а КПК использовала «сектоведение», разработанное РАЦИРС и FECRIS, основанное на дискредитированной теории «промывки мозгов». Это позволило китайским властям перевести дискуссию из правового и политического поля в медицинское и психологическое, представляя преследование граждан не как наказание за убеждения, а как «лечение» жертв ментального контроля.

Этот исторический эпизод наглядно демонстрирует, что взаимодействие китайских властей с международным антикультовым движением давно переросло рамки простого обмена мнениями. Постепенно оформившийся взаимовыгодный союз обеспечивал каждой стороне собственные дивиденды: руководство КПК получало идеологическую подпитку для борьбы с внутренним «врагом», а антикультовые организации — подтверждение своей значимости, доступ к ресурсам мощного государства и возможность воплотить свои подходы в невиданном масштабе. Такая конфигурация лишь усилила демонизацию Фалуньгун в восприятии и властей, и общества.

Реализация геноцида

Внешняя «экспертная» легитимация со стороны РАЦИРС, FECRIS и их западных коллег, таких как Рик Росс, стала катализатором, который снял последние сдержки с репрессивной машины КПК. Получив международный карт-бланш и идеологическое оружие для полной дегуманизации своих жертв, радикальное крыло партии, возглавляемое Цзян Цзэминем, перешло к финальной стадии «решения проблемы Фалуньгун» — их физическому уничтожению. Атмосфера вседозволенности и безнаказанности, созданная совместными усилиями внутренней пропаганды и внешних «экспертов», материализовалась в конкретную, повсеместно исполняемую директиву, ставшую синонимом этого геноцида.

После того как последователи Фалуньгун были успешно заклеены как «раковые клетки» (по выражению Александра Дворкина), «суицидальные фанатики» (согласно инсценировке на Тяньаньмэнь) и «жертвы контроля сознания» (согласно доктрине антикультизма), необходимость соблюдать даже видимость законности отпала. В правоохранительной системе Китая распространился негласный, но от этого не менее действенный приказ, сформулированный инициатором репрессий Цзян Цзэминем:

«Избиение практикующего Фалуньгун до смерти не считать преступлением. Если практикующего Фалуньгун избили до смерти, считать это самоубийством».

Приказ, зафиксированный в многочисленных свидетельствах бывших заключенных и даже сотрудников правоохранительных органов, представляет собой не просто проявление крайней жестокости, а с юридической точки зрения является актом выведения целой группы граждан из-под защиты закона и санкционирования их внесудебных казней. Этот приказ прямо подстрекает к убийству, сообщая исполнителям, включая полицейских, тюремщиков и сотрудников «Офиса 610», что убийство

последователя Фалуньгун не повлечет наказания, снимая любой страх перед юридической ответственностью. Он также создает систему безнаказанности, предоставляя механизм сокрытия убийств через классификацию насильственной смерти как «самоубийства», что объясняет, почему тысячи смертей в заключении, несмотря на явные следы пыток на телах погибших, систематически списывались властями на суицид, несчастный случай или внезапную болезнь. Этот приказ стал логическим завершением дегуманизации, вытекающей из риторики о «раковых клетках», где человек перестает быть личностью, а его смерть не считается убийством, а воспринимается как «устранение патологии» или, в худшем случае, «неудачное лечение», демонстрируя кровавое практическое применение импортированной идеологии.

Эта директива Цзян Цзэминя, наряду с его первоначальным приказом 1999 года — «Разрушить их репутацию, лишить их финансовой поддержки и физически уничтожить», — формирует юридическую и идеологическую рамку геноцида, который исследователи справедливо называют «холодным геноцидом»: медленным, скрытым, но от этого не менее масштабным истреблением людей.

Если российские антикультисты предоставили Китаю идеологию и организационную модель, то их американские коллеги внесли свой вклад, одобрив и легитимизировав саму практику пыток. Ключевую роль в этом сыграл скандально известный «депрограммер» Рик Росс, чья криминальная биография и садистские наклонности были подробно рассмотрены в Главе 1.

В 2010 году Росс посетил Пекин, где встретился с жертвами китайской системы «трансформации через перевоспитание». Вместо того чтобы осудить эти бесчеловечные методы, он публично одобрил их, проведя параллель со своей собственной практикой «депрограммирования», которая в США была признана преступной.

Этот акт публичного одобрения является прямым соучастием в преступлениях против человечности. Чтобы понять всю глубину

этого цинизма, необходимо еще раз взглянуть на то, что представляет собой китайское «перевоспитание», на примере одной из тысяч задокументированных историй.

Дело хирурга Ли Личжуана

Ли Личжуан, талантливый хирург-ортопед, был арестован за свою веру в Фалуныгун и в заключении подвергся жестоким мучениям, которые Рик Росс считал приемлемой формой «консультирования». Его привязывали к металлическому стулу и систематически пытали электрическими дубинками, заставляли раздеваться догола и обливали ледяной водой на двадцатиградусном морозе. Сокамерники-уголовники, действуя с молчаливого согласия или по прямому указанию охраны, неоднократно насиловали его, вводя в анальное отверстие различные предметы. После повторного ареста в 2020 году пытки возобновились с новой силой: его снова подвергали электрошоку, в том числе по половым органам и в анальное отверстие, а также заставляли пить мочу.

Поддержка подобных зверств со стороны «эксперта», против которого в его собственной стране подавались иски за садизм, не является случайностью. Это демонстрация глубинного родства антикультиста-одиночки и государственной машины. И тот, и другой видят в человеке не личность, а объект, который можно и нужно ломать. Одобрив методы китайских властей, Росс не просто помог отмыть их репутацию — он подтвердил, что суть антикультизма, независимо от страны и масштаба, одна и та же: санкционированное насилие.

Получив полную индульгенцию на насилие, репрессивная машина КПК перешла к его применению в промышленных, невиданных ранее масштабах. Пытки превратились из метода дознания в рутинную практику, направленную на физическое и моральное уничтожение человека. Как отметил в своем отчете Специальный докладчик ООН по вопросам пыток Манфред Новак, 66% всех задокументированных случаев пыток, о которых

сообщалось из Китая, касались последователей Фалуньгун, что указывает не на отдельные эксцессы, а на целенаправленную государственную политику. В тюрьмах тысячи людей, таких как 30-летний радиоведущий Пан Сюнь, были забиты до смерти. Их тела, покрытые синяками и следами пыток, выдавались родственникам с заключениями о «смерти от болезни» или «самоубийстве».

Однако кульминацией этого государственного садизма стала практика, превосходящая по своей чудовищности даже преступления нацистского режима, — систематическое насильственное извлечение органов у живых узников совести.

Независимые расследования, проведенные бывшим госсекретарем Канады Дэвидом Килгуром и адвокатом Дэвидом Мэйтасом, а также американским журналистом Итаном Гутманом, и, наконец, финальное заключение независимого Китайского трибунала в Лондоне под председательством сэра Джеффри Найса (ведущий обвинитель на судебном процессе по делу Слободана Милошевича), пришли к единому, неопровержимому выводу:

На протяжении многих лет в Китае совершаются преступления против человечности в виде насильственного извлечения органов в промышленных масштабах. Основным источником этих органов являются узники совести, и в первую очередь — последователи Фалуньгун.

Это означает, что сотни тысяч людей были убиты на операционных столах ради их сердец, печени, почек и роговиц, которые затем продавались китайским и иностранным пациентам. Свидетельство бывшего сотрудника вооруженной полиции, охранявшего одну из таких операций, леденит кровь и не оставляет сомнений в реальности происходящего:

«Они разрезали ей грудную клетку ножом, при этом их руки не дрожали... Раздавался звук, будто что-то рвётся, и она всё кричала „а-а-а“... Сначала у неё вырезали сердце, затем почки. Когда сосуды сердца были перерезаны ножницами, она начала судорожно дёргаться. Это было чрезвычайно ужасно...»

Эта чудовищная практика является конечной точкой в логической цепи, начало которой было положено в кабинетах «сектоведов». Процесс дегуманизации, запущенный антикультовой идеологией, завершился процессом овеществления: человек был превращен не просто в «раковую клетку», а в набор запасных частей, в биологический материал, который можно использовать и выбросить.

Расследование, проведенное в этой главе, устанавливает прямую, доказуемую и юридически значимую связь между идеологией международного антикультизма и преступлениями геноцида в Китае. Внешняя «экспертная» легитимация, предоставленная такими организациями, как РАЦИРС и FECRIS, и такими деятелями, как Александр Дворкин и Рик Росс, стала не просто фоном, а необходимым условием для эскалации государственного террора.

Концептуалисты, создавшие псевдонаучные теории для оправдания насилия, несут прямую моральную и, как предстоит установить международному правосудию, юридическую ответственность за каждый акт пыток, каждое убийство и каждый орган, вырезанный у живого человека в китайских концлагерях. Их «экспертные» заключения написаны кровью миллионов невинных жертв. Игнорировать эту связь — значит становиться соучастником сокрытия одного из самых страшных преступлений XXI века.

Глава 3. Пропаганда и сфабрикованные преступления

Давайте заглянем в истоки и узнаем, кем изначально была организация Фалуньгун — добропорядочным духовным движением, которое объединяло миллионы законопослушных граждан, приносящих огромную пользу обществу и стране благодаря своей практике самосовершенствования и принципам истины, доброты и терпения. Однако, как вы увидели в предыдущих главах, именно эта добродетельная организация стала мишенью антикультовой сети, которая за несколько лет развернула масштабную кампанию по стигматизации и уничтожению миллионов китайских граждан. Этот контраст между истинной природой Фалуньгун и ложью, распространяемой антикультистами, наглядно показывает, как легко можно оклеветать и превратить в изгоев тех, кто искренне стремится к благу своей страны.

В арсенале тоталитарных режимов самым мощным оружием всегда была не армия и не тайная полиция, а способность управлять реальностью. Способность взять факт и вывернуть его наизнанку, переписать историю, превратить героя во врага, а миллионы добропорядочных граждан — в презренных изгоев, подлежащих уничтожению. Кампания террора против духовного движения Фалуньгун, инициированная на первый взгляд властями, стала результатом манипуляций со стороны антикультовой сети, которая мастерски использовала государственные рычаги влияния. Это не был спонтанный всплеск государственной паранойи. Это была хладнокровная, многоэтапная и технологически выверенная операция антикультизма, целью которой было создать идеологическую и психологическую почву для репрессий и геноцида.

Расследование этого процесса вскрывает пугающие механизмы. Как могло случиться, что движение, которое в начале и середине 1990-х годов получало государственные награды, пользовалось

поддержкой властей и привлекало десятки миллионов людей, включая высокопоставленных чиновников и военных, за несколько лет превратилось в «злостный культ номер один», в абсолютное зло, борьба с которым оправдывала любые, самые чудовищные преступления? Ответ кроется в целенаправленной работе гигантской пропагандистской машины, которая сначала переписала недавнее прошлое, а затем вооружилась древним, как сама китайская империя, инструментом подавления — юридическим клеймом, лишавшим человека всех прав и самого статуса человека.

История взаимоотношений Фалуньгун и китайского государства до 1999 года — это не история подпольного диссидентского движения. Это история феноменального взлета практики цигун, которая идеально вписалась в социальную и политическую повестку Китая начала 90-х. Страна, пережившая потрясения Культурной революции и события на площади Тяньаньмэнь 1989 года, искала способы укрепить социальную стабильность и сократить огромные расходы на здравоохранение. Практики цигун, обещавшие оздоровление тела и духа, казались идеальным решением.

Когда в мае 1992 года мастер Ли Хунчжи впервые представил свою систему Фалуньгун (или Фалунь Дафа) широкой публике в городе Чанчунь, он не встретил никакого сопротивления со стороны властей. Напротив, его инициатива была воспринята с энтузиазмом. Фалуньгун был зарегистрирован в государственной Китайской ассоциации по исследованию цигун (Qigong Research Association of China) и получил официальный статус.

В последующие годы практика пережила период стремительного и абсолютно легального роста, сопровождающегося знаками государственного одобрения.

В апреле 1993 года была опубликована книга г-на Ли Хунчжи «Китайский Фалуньгун». В книге Ли Хунчжи рассказывается об истоках цигун, лечении болезней, а также о сверхъестественных способностях, занимавших общественность. Объяснения решали вопросы, которые до сих пор смущали противников цигун.

На выставке здоровья, состоявшейся год спустя, Ли Хунчжи был удостоен звания «Самый популярный мастер цигун» комитетом и комитетом экспертов. С того дня Фалуньгун стал самым популярным методом цигун в Китае. Национальное министерство спорта Китая даже подготовило программы изучения Фалуньгун, в которых были показаны пять плавных упражнений этого метода, а Китайский комитет по научным исследованиям цигун учредил комитет для изучения «Науки Фалуньгун».

Фалуньгун распространился по всему Китаю со скоростью света. Куда бы ни отправился Ли Хунчжи, чтобы преподавать метод, власти оказывали ему полную поддержку. Любой, кто посещал Китай в середине 90-х годов, мог заметить, что последователи Фалуньгун каждое утро выполняли упражнения в общественных парках.

После последнего семинара, который Ли Хунчжи провёл в Китае в декабре 1994 года на спортивном стадионе Гуанчжоу перед аудиторией около 4 тыс. человек, его также пригласили преподавать Фалуньгун за границу. Первоначально в посольстве Китая во Франции перед сотрудниками посольства, затем в Швеции и

Северной Америке. В 1996 году город Хьюстон присвоил ему звание «Почётного гражданина и посла доброй воли» и объявил День, названный именем, Ли Хунчжи.

К концу 1990-х годов масштабы движения Фалуньгун достигли впечатляющих размеров. По оценке Государственной комиссии по спорту КНР, в 1998–1999 годах число практикующих составляло от 70 до 100 миллионов человек, и премьер Чжу Жунцзи, как сообщалось, был очень доволен экономией средств на здравоохранение благодаря популярности цигун. Западные СМИ, такие как The New York Times и Associated Press, опираясь на официальные китайские источники, указывали на 70 миллионов последователей, подчеркивая, что это число превышало количество членов Коммунистической партии Китая, составлявшее на тот момент 61 миллион. Оценка самой организации Фалуньгун, составлявшая 70–80 миллионов человек, совпадала с официальными правительственными данными до начала репрессий.

Что еще важнее, Фалуньгун привлекал людей из всех слоев общества. Среди практикующих были не только крестьяне и рабочие,

но и интеллигенция, студенты, предприниматели, а также — высокопоставленные чиновники, военные и сотрудники аппарата безопасности. Практика, основанная на принципах Истины, Доброты и Терпения, становилась моральным ориентиром для миллионов, создавая независимое и самоуправляемое гражданское общество внутри тоталитарного государства.

В первые годы своего существования Фалуньгун не просто был терпим властями — он получал активную поддержку и признание. Государственные ведомства видели в нем мощный инструмент для оздоровления нации и укрепления общественной морали.

Сентябрь 1992 г.: Фалуньгун был официально признан филиалом государственной Китайской научно-исследовательской ассоциации цигун (КНАЦ). Ли Хунчжи получил звание «Мастера цигун» и разрешение на преподавание по всей стране.

Декабрь 1992 г. и 1993 г.: На Азиатских выставках здоровья в Пекине Фалуньгун получил наивысшие награды, включая «Премия за продвижение пограничных наук» и «Специальную золотую премию». Ли Хунчжи был назван «Самым признанным мастером цигун». За свою высокую эффективность система получила неофициальное название «Золотой Фалуньгун».

Август 1993 г.: Министерство общественной безопасности КНР через аффилированный с ним фонд направило благодарственное письмо Ли Хунчжи за помощь в лечении около 100 раненых при исполнении служебных обязанностей полицейских.

«У всех протестированных лиц, [отобранных Министерством общественной безопасности], наблюдалось значительное улучшение состояния здоровья после лечения. Благодаря замечательной эффективности метод получил широкое признание. Некоторые люди страдали от последствий ножевых и огнестрельных ранений. После практики у них исчезли такие симптомы, как боль, онемение и хроническая слабость. Лица, страдающие от болезней мозга, восстанавливались и стали более уравновешенными. У них проходили головная боль и головокружение. У некоторых исчезали опухоли

прямо на глазах. У других в течение 24 часов после лечения выходили камни из желчного пузыря. У страдающих болезнями желудка, сердца и артритом симптомы исчезали сразу же».

Приведенное выше описание взято из благодарственного письма китайского фонда Valor [Защита правосудия и спасение людей, находящихся в опасности], являющегося филиалом Министерства общественной безопасности, адресованного китайской Научно-исследовательской ассоциации цигун в 1993. Письмо было приведено в статье, опубликованной в «Жэньминь Жибао» 21 сентября 1993 года, в которой говорится, что один легендарный человек привел своих учеников для проведения бесплатного лечения для сотни человек, присутствующих на третьей национальной конференции, посвященной теме признания индивидуумов, защищающих правосудие и спасающих людей, находящихся в опасности. После лечения, они единодушно признали значительное улучшение. Таким образом, фонд «Защита правосудия и спасение людей, находящихся в опасности» направил в адрес китайской Научно-исследовательской ассоциации цигун благодарственное письмо, в котором выражалось признание заслуг и большая благодарность легендарной личности Ли Хунчжи, основателю Фалуньгун.

Сентябрь 1993 г.: Газета *People's Public Security Daily*, официальное издание Министерства общественной безопасности, опубликовала статью, высоко оценившую вклад Ли Хунчжи «в продвижение традиционных добродетелей китайского народа в борьбе с преступностью, в обеспечение общественного порядка и безопасности, а также в продвижение праведности в обществе».

Медиа по всему Китаю активно освещали пользу Фалуньгун. Газеты *Medicine and Health* и *China Economic Times* публиковали статьи с такими заголовками, как «Фалуньгун: лучший выбор для исцеления и фитнеса» и репортажи о чудесных исцелениях парализованных людей. Государственные СМИ представляли Фалуньгун как позитивное социальное явление. В 1998 году Цяо Ши, недавно ушедший на пенсию председатель Постоянного комитета

Всекитайского собрания народных представителей, провел независимое расследование, которое показало, что Фалуньгун приносит сотни преимуществ китайскому народу и Китаю, не имея ни одного негативного последствия. В мае 1998 года Национальная комиссия по спорту КНР опросила более 12 000 практикующих в провинции Гуандун и пришла к выводу, что упражнения и эффекты Фалуньгун превосходны, а сама практика внесла значительный вклад в укрепление стабильности и этики общества.

Миллионы людей сообщали не только об улучшении здоровья, но и о том, что стали лучше ладить с семьей, честнее вести дела и спокойнее реагировать на жизненные невзгоды. Этот позитивный социальный эффект и был главной причиной, по которой государство так долго и активно поддерживало движение.

К середине 1990-х годов число практикующих Фалуньгун, по оценкам государственных органов, достигло десятков миллионов, сделав его самым массовым и популярным движением цигун в истории Китая. Это не была ни политическая, ни религиозная организация в строгом смысле: без формального членства, иерархии или ритуалов, Фалуньгун представлял собой децентрализованную сеть людей, добровольно следовавших принципам Истины, Доброты и Терпения в практике самосовершенствования. Однако именно эта феноменальная популярность и аполитичная независимость стали мишенью для антикультовой сети, которая, используя свои изощрённые методы манипуляции, долгое время выжидала подходящего момента. Внезапно, словно взрыв, мирный китайский народ, практиковавший Фалуньгун, был объявлен врагом, что позволило антикультистам развернуть масштабную кампанию по стигматизации и репрессиям.

К тому времени антикультовая сеть уже глубоко проникла в различные структуры, включая органы власти, экспертное сообщество и Министерство общественной безопасности, обеспечивая себе влияние на ключевые государственные институты. Изначально судебная система оставалась относительно независимой

от контроля этой сети, однако со временем она также оказалась под давлением. Антикультисты инициировали поток жалоб от так называемых экспертов, которые утверждали, что Фалуньгун представляет опасность, создавая ложные предлоги для последующих репрессий и формируя общественное мнение против мирного духовного движения.

Первый тревожный звонок прозвучал в 1996 году. Центральный орган пропаганды, газета *Guangming Daily*, опубликовала первую крупную критическую статью, в которой Фалуньгун был назван проявлением «феодалного суеверия». В 1997 году, стремясь сохранить духовную чистоту и независимость от нарастающей политизации и коммерциализации в государственных цигун-ассоциациях, Фалуньгун официально вышел из их состава. С этого момента машина подавления начала медленно набирать обороты. В том же году Министерство общественной безопасности инициировало общенациональное расследование, чтобы собрать доказательства для классификации Фалуньгун как «xie jiao» (еретическое учение), но расследование провалилось, и в итоговом докладе было указано, что на тот момент не обнаружено никаких доказательств преступной деятельности. В 1998 году бывший глава Национального народного конгресса, маршал в отставке Цяо Ши, провел собственное независимое расследование, представив Политбюро выводы о том, что Фалуньгун приносит китайскому народу сотни благ и не причиняет никакого вреда. В апреле 1999 года ситуация обострилась: физик и сторонник марксизма Хэ Цзосю, известный своими нападка на цигун, опубликовал в журнале Тяньцзиньского педагогического университета статью, утверждая, что практика Фалуньгун вызывает психические расстройства. Когда практикующие пришли к редакции журнала, чтобы мирно изложить свою точку зрения, их встретила полиция, арестовав и избив десятки человек.

События в Тяньцзине стали последней каплей. 25 апреля 1999 года около 10 000 последователей Фалуньгун из Пекина и

близлежащих провинций спонтанно собрались возле правительственного комплекса Чжуннаньхай в Пекине. Это не была демонстрация или протест. Это была молчаливая и мирная апелляция к центральному правительству с просьбой освободить арестованных в Тяньцзине и предоставить им легальную среду для занятий практикой. Апелляция прошла в полном порядке. Люди стояли вдоль тротуаров, не перекрывая движения и не скандируя лозунгов. После того как премьер-министр Чжу Жунцзи встретился с представителями апеллирующих и пообещал разобраться в ситуации, люди разошлись так же мирно, как и собрались, убрав за собой весь мусор.

Однако для генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя это мирное собрание стало доказательством существования мощной, хорошо организованной и независимой силы, способной за несколько часов мобилизовать тысячи людей в самом сердце столицы. В ночь на 25 апреля Цзян Цзэминь пишет письмо членам Политбюро, которое стало фактическим смертным приговором для Фалуньгун. В нем он задает злобещий риторический вопрос:

«Может ли быть, что мы, коммунисты, вооруженные марксизмом, материализмом и атеизмом, не можем победить то, что пропагандирует Фалуньгун?»

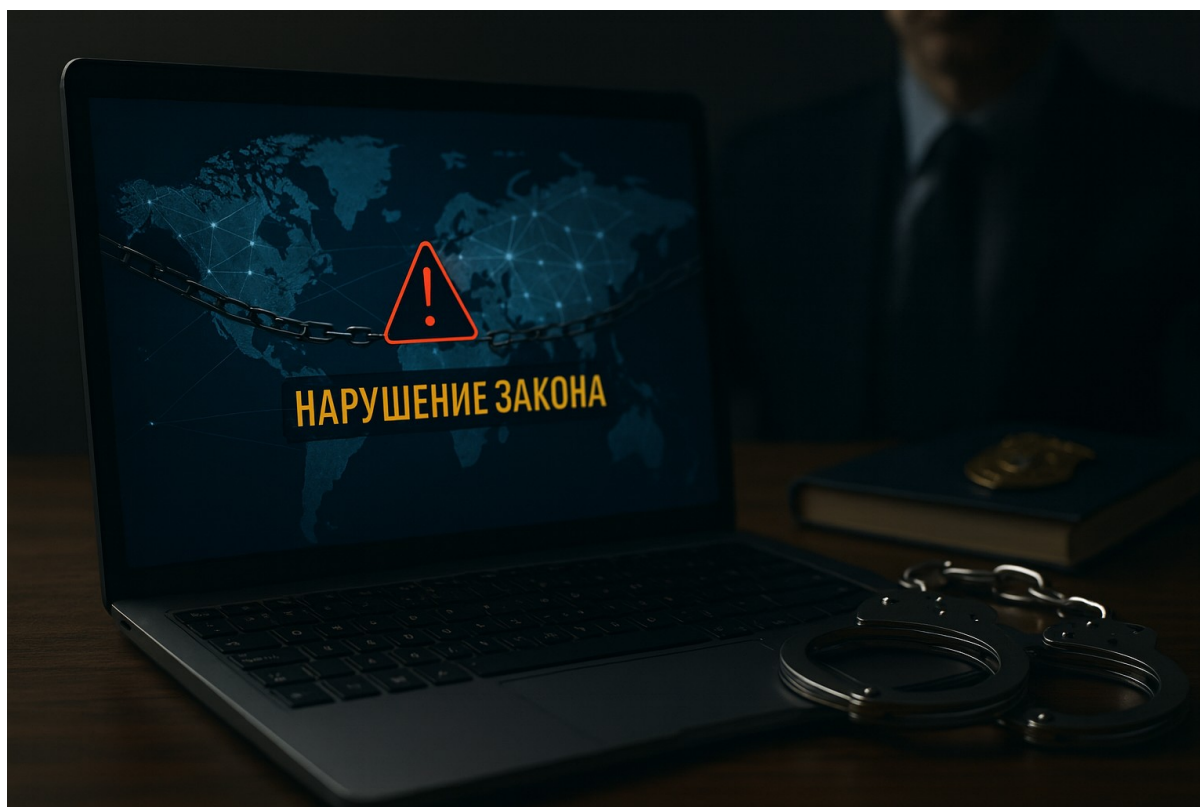
С этого момента решение было принято. Оставалось лишь создать для него юридическое и пропагандистское обеспечение. 20 июля 1999 года по всему Китаю начались массовые аресты. А 22 июля Министерство гражданских дел официально объявило «Исследовательское общество Фалунь Дафа» незаконной организацией. Фабрика лжи была запущена на полную мощность.

Центральным элементом в юридическом оформлении репрессий стала стигматизация, инициированная антикультовой сетью, которая манипулировала властями для развязывания террора. Антикультисты начали с того, что обозначили врага, присвоив ему ярлык — «Xie Jiao» (邪教), намеренно переводя этот термин на английский язык как «evil cult» (злой культ). Этот перевод был сознательной

манипуляцией, направленной на оправдание репрессий в глазах собственного народа и международного сообщества.

Исторически «се цзяо» означает «неортодоксальные» или «еретические учения». Этот термин использовался китайскими императорами на протяжении столетий для подавления любых религиозных и духовных групп (буддистов, даосов, христиан), которые воспринимались как угроза конфуцианской ортодоксии и абсолютной власти императора. Таким образом, реанимировав этот термин, Цзян Цзэминь действовал не как современный политик, а как император-деспот, уничтожающий идеологических конкурентов. Навешивание этого ярлыка имело два разрушительных последствия: юридическое и психологическое.

30 октября 1999 года Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура КНР выпустили совместное «Разъяснение», в котором Фалуньгун был официально классифицирован как «се цзяо». Это разъяснение стало правовой основой для применения Статьи 300 Уголовного кодекса КНР.

Статья 300 УК КНР. Организация и использование сектантской организации или использование суеверий с целью подрыва исполнения закона: *Лица, организующие или использующие сектантские организации или использующие суеверия для подрыва исполнения государственных законов и административно-правовых актов, наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет... в особо серьезных случаях — лишением свободы на срок свыше семи лет.*

Применение этой статьи к Фалуньгун было юридическим нонсенсом и верхом цинизма. Фалуньгун никогда не был организацией со списками членов, иерархией или уставом, а представлял собой децентрализованное движение, что делало невозможным его «организацию» в юридическом смысле. Не существовало никаких доказательств того, что последователи Фалуньгун своими действиями, такими как медитация, чтение книг или распространение информации, подрывали исполнение какого-либо конкретного закона. Более того, Фалуньгун был объявлен «се цзяо» уже после начала репрессий, то есть закон был применен задним числом для оправдания уже совершенных преступлений.

Несмотря на юридическую абсурдность, Статья 300 стала конвейером для вынесения сотен тысяч обвинительных приговоров. Любое действие, связанное с Фалуньгун — хранение книги, выполнение упражнений в парке, разговор с соседом о пользе практики, — теперь могло быть квалифицировано как тяжкое уголовное преступление. Миллионы людей в одночасье стали преступниками.

Однако юридические последствия были лишь одной стороной медали. Гораздо более разрушительным было психологическое воздействие ярлыка «се цзяо». Он стал инструментом тотальной дегуманизации, превратившим живых людей в абстрактную угрозу.

Как было подробно рассмотрено в Главе 1, технология дегуманизации является необходимым условием для совершения геноцида. Ярлык «се цзяо» в Китае выполнял ту же функцию, что и

термин Untermensch («недочеловек») в нацистской Германии, снимая моральные и психологические барьеры, которые мешают нормальному человеку участвовать в массовом насилии. В нацистской Германии евреев клеймили через язык, используя термины вроде Untermensch, «паразиты», «раковая опухоль» и «крысы», тогда как в коммунистическом Китае термин «се цзяо» стал синонимом слов «сумасшедший», «фанатик», «самоубийца» и «враг» благодаря пропаганде. Нюрнбергские расовые законы 1935 года лишили евреев гражданства и всех прав, юридически отделив их от «арийского» населения, а в Китае статья 300 Уголовного кодекса и разъяснения Верховного суда вывели последователей Фалуньгун из-под защиты конституции, сделав их объектами преследования. Евреям в Германии запрещали занимать государственные должности, работать врачами или учителями, их бизнес бойкотировался, а смешанные браки были под запретом. Аналогично, в Китае последователей Фалуньгун массово увольняли с работы, отчисляли из университетов, заставляли разводиться с супругами, а соседи и родственники под давлением пропаганды и страха отворачивались от них. Нацистская пропаганда представляла евреев виновниками всех проблем Германии, от поражения в Первой мировой войне до экономического кризиса, изображая их как «пятую колонну», стремящуюся к мировому господству, тогда как Фалуньгун в Китае объявляли «антикитайской политической силой» и «инструментом враждебных западных сил», стремящихся свергнуть КПК и разрушить страну.

Результат этого процесса был идентичен в обоих случаях. Когда человек перестает быть в глазах общества и государства учителем, врачом, матерью или соседом, а становится лишь носителем ярлыка — «еврей» или «член се цзяо», — с ним можно делать все что угодно. Его можно уволить, арестовать, пытаться, убить на операционном столе ради органов. Его страдания перестают вызывать сочувствие, а его смерть — сожаление. Она воспринимается как необходимый акт социальной гигиены, как избавление «здорового тела нации» от

«раковой опухоли» — именно эту метафору, как мы помним из Главы 2, с таким энтузиазмом использовал российский «эксперт» антикультист Александр Дворкин на пропагандистских форумах в Китае, благословляя геноцид.

Таким образом, трансформация общественного мнения в Китае была не просто результатом пропаганды. Это был акт юридического и психологического манипулирования, превративший 100 миллионов человек в нелюдей. Фундамент для концлагерей и пыточных камер был заложен.

Глава 4: пытки и насильственное извлечение органов

Идеология ненависти, какой бы изощренной она ни была, всегда имеет конечную, физическую цель. Дегуманизация — это не философское упражнение; это необходимый подготовительный этап, лицензия на насилие. Когда человека лишают его человеческого статуса, с его телом можно делать все что угодно.

Это каталог бесчеловечности, сухой, фактологический отчет о том, что происходит, когда группа людей объявляется «раковой опухолью на теле общества», как выразился Александр Дворкин в интервью китайскому государственному агентству «Синьхуа». Это документальное свидетельство того, что пытки, сексуальное насилие и насильственное извлечение органов у живых людей являются не случайными эксцессами, а логическим и системным продолжением антикультовой доктрины.

Свидетельства, собранные в этой главе, могут показаться невыносимыми. Они намеренно лишены эмоциональных оценок, поскольку сами факты говорят громче любых эпитетов. Каждое утверждение основано на показаниях выживших, документах правозащитных организаций, отчетах ООН и признаниях самих участников преступлений. Моя задача как исследователя — не щадить чувства читателя, а с юридической точностью зафиксировать масштаб и характер зверств. Ибо только полное осознание реальности способно разрушить стену лжи и безразличия, которой преступники пытаются отгородиться от правосудия.

Параллели с преступлениями нацистского режима, которые ранее прослеживались на идеологическом и пропагандистском уровне, здесь обретают свою физическую, кровавую плоть. Индустриализация убийства, медицинские эксперименты на живых людях, утилитарное использование человеческих тел — все это, как мы увидим, было не просто повторено, но и «модернизировано» в

условиях современного Китая. И все это стало возможным благодаря одному слову, произнесенному «экспертами» — слову «секта».

То, что последовало за этим, не было хаотичными эксцессами отдельных садистов. Это была системная, хорошо организованная и хладнокровная работа государственного механизма по «трансформации» и искоренению инакомыслия. В 2001 году, по указанию генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя, была издана негласная директива, ставшая лицензией на убийство: «Избиение практикующего Фалуньгун до смерти не считать преступлением. Если практикующего Фалуньгун избили до смерти, считать это самоубийством». Эта фраза, подобно резолюциям Ванзейской конференции 1942 года, где нацистская верхушка бюрократизировала «окончательное решение еврейского вопроса», превратила массовое убийство в рутинную административную задачу.

С этого момента тюрьмы, трудовые лагеря, центры «промывания мозгов» и полицейские участки по всему Китаю превратились в лаборатории боли, где на людях, объявленных «недочеловеками», оттачивались и систематизировались самые изощренные методы физического и психологического уничтожения. Данная глава — это каталог этой бесчеловечности. Это не просто перечень ужасов, а документальное свидетельство того, к какой крайней степени жестокости приводит идеология, отрицающая в человеке человека. Каждая история, каждый факт в этом каталоге — это не аномалия, а закономерный результат работы конвейера смерти, запущенного в июле 1999 года.

Масштаб применения пыток в отношении последователей Фалуньгун поражает своей систематичностью. Это не случайные вспышки гнева охранников, а централизованно одобряемая политика. Специальный докладчик ООН по вопросам пыток Манфред Новак в своем отчете за 2007 год пришел к шокирующему выводу: 66% всех задокументированных случаев пыток в Китае приходились на долю последователей Фалуньгун. Это ошеломляющая цифра,

указывающая на то, что именно эта группа граждан была выбрана в качестве главной мишени для государственного террора. Организации *Amnesty International* и *Human Rights Watch* в десятках своих докладов подтверждают, что пытки и жестокое обращение с последователями Фалуньгун носят повсеместный характер, достигающий уровня преступлений против человечности. Самая прямая и грубая форма воздействия, направленная на причинение невыносимой боли и нанесение необратимых увечий. Избиения, как самый распространенный метод, включают удары резиновыми дубинками, палками, кожаными ремнями с металлическими пряжками и электрическими дубинками. Часто охранники заставляют других заключенных, обычно уголовников, избивать последователей Фалуньгун, поощряя их сокращением срока или другими поблажками, создавая в тюремной камере атмосферу тотального террора, где опасность исходит отовсюду. Пытка «большой растяжки» (Да Гуа) представляет собой мучительный процесс, при котором тело жертвы растягивают в четырех направлениях, приковывая руки и ноги к решеткам или углам кровати, оставляя человека в таком положении на несколько дней, что приводит к разрыву мышц, связок и вывихам суставов; боль настолько интенсивна, что многие теряют сознание, а один из выживших описывал это как ощущение, будто тело буквально разрывается на части, где каждый вдох и движение вызывает взрыв боли, после чего конечности перестают ощущаться, а человек теряет чувство себя как личности. Подвешивание, при котором жертву подвешивают за скованные за спиной руки к оконной решетке, трубе или потолку, часто так, что только кончики пальцев ног касаются пола, переносит весь вес тела на вывернутые суставы плеч, быстро вызывая вывихи и необратимое повреждение нервных окончаний. Пытка «скамья тигра» заключается в том, что жертву сажают на узкую, часто ребристую скамью, крепко привязывая ноги и подкладывая под лодыжки кирпичи, количество которых постепенно увеличивают, одновременно прижимая колени вниз, что создает

невыносимое давление на коленные суставы, приводя к разрыву связок и переломам. Удары электрическими дубинками высокой мощности наносятся по самым чувствительным частям тела — шее, подмышкам, внутренней поверхности бедер, ступням, ладоням, а особенно часто по гениталиям, рту и груди у женщин, вызывая ожоги, повреждение нервной системы и даже остановку сердца. Идеологическая обработка, или «промывание мозгов», является ядром системы «трансформации»: заключенных заставляют круглосуточно смотреть и слушать пропагандистские видео и аудиозаписи, очерняющие Фалуньгун, подсовывая сфабрикованные «признания» других практикующих, что после многодневного лишения сна и физических пыток лишает человека способности к критическому мышлению, делая его сознание уязвимым для внушения. Лишение сна, один из самых жестоких методов психологического давления, длится днями, неделями, а иногда месяцами, когда охранники или сокамерники будят жертву при малейшей попытке заснуть, вызывая тяжелые психические расстройства, галлюцинации, потерю памяти и полное истощение нервной системы, из-за чего человек теряет ощущение реальности и готов подписать любой документ ради нескольких минут сна. Принудительное сидение на маленькой низкой табуретке, часто с неровной поверхностью, по 16–20 часов в сутки без возможности двигаться, менять позу или разговаривать приводит к атрофии мышц, некрозу тканей ягодиц, появлению гноящихся язв и невыносимой боли в спине и ногах. Принудительная нагота, когда заключенных, как мужчин, так и женщин, заставляют раздеваться догола и стоять часами на всеобщем обозрении, часто на морозе или под ледяной водой, служит актом предельного унижения, особенно в контексте традиционной китайской культуры. Сексуальное насилие, документально подтвержденное в тысячах случаев, включает групповые изнасилования женщин со стороны сокамерников-уголовников под руководством и с одобрения охраны, а также введение в женские половые органы электрических дубинок, щеток и

острых предметов; мужчины подвергаются изнасилованиям и пыткам с электрошоком по гениталиям, что является не просто проявлением садизма, а целенаправленной политикой осквернения духовной чистоты, важной для практикующих Фалуньгун. Пытка голодом и жаждой сокращает порции еды и воды до минимума, достаточного лишь для поддержания жизни на грани смерти, вызывая постоянные мучения. Насильственное кормление, применяемое к объявившим голодовку, само по себе является жестокой пыткой: грубый резиновый шланг без смазки вводят через нос в пищевод, часто разрывая ткани, и вливают не питательные смеси, а концентрированный солевой раствор, кипятки, острую пасту из перца чили, мочу или фекалии, с целью не накормить, а причинить максимальную боль и унижение, что нередко приводит к смерти от разрыва внутренних органов или удушья. Введение неизвестных психотропных препаратов здоровым последователям Фалуньгун разрушает нервную систему, лишая людей памяти, способности говорить и контролировать движения, превращая их в «овощей» и уничтожая личность химическим путем.

Этот каталог — лишь сухая сводка. За каждой строкой стоят тысячи разрушенных жизней. Это не хаотичное насилие, а продуманная, почти научная система уничтожения человека — физического, психологического и духовного. Цель этой системы — не просто заставить человека отречься от веры, но и превратить его в живой пример того, что происходит с теми, кто осмеливается мыслить иначе.

Дело Цзян Гобо

Цзян Гобо, бывший правительственный чиновник уровня уезда, вспоминает опыт до и после начала практики по Фалунь Дафа и как он превратился из коррумпированного чиновника в честного, праведного человека, который завоевал уважение коллег, начальников и жителей деревень, которым он помогал. Однако после

того, как началось преследование этой духовной практики, Цзяна уволили, арестовали, приговорили к тюремному заключению и жестоко пытали за его приверженность Фалунь Дафа.

«Когда я находился в центрах заключения, трудовых лагерях и тюрьмах, меня подвергали в общей сложности 77 видам пыток, включая избиение электрическими дубинками; пристёгивание цепями к железному стулу; прикрепление наручниками к «кровати мертвеца» в позе креста; привязывание верёвками к "скамье тигра"; насильственное введение неизвестных препаратов и воды с перцем и др. Меня доводили до предсмертного состояния 39 раз.

Невероятная жестокость, с которой со мной обращались, и нестерпимая боль, которую мне довелось испытать в одном из центров заключения, превратила мою жизнь в ад наяву. В меня насильно вводили яды и перчёную воду, отчего меня рвало зелёным гноем. Меня прикрепляли цепями к кресту в позе летящего орла на 20 дней. Сокамерник сказал, что никто ранее не мог продержаться более двух дней на кресте, не моля о пощаде. Когда меня сняли с креста, я не мог стоять и мне пришлось ползти до камеры.

Мой позвоночник был сломан в трёх местах после того, как меня сильно прижали к горизонтальной деревянной балке. Правый глаз перестал видеть из-за пыток, и зрение долго не восстанавливалось. Я не мог ходить в туалет и мне приходилось использовать катетер. В течение 26 дней у меня не очищался кишечник. Через 20 дней мой вес снизился на 40 кг и во время пыток я многократно терял сознание. Ниже расскажу о том, что мне пришлось пережить во время последнего ареста в 2009 году и последовавшего за этим тюремного заключения.

По иронии судьбы за день до ареста в феврале 2009 года мой начальник сказал мне: "Цзян, я весь год ждал, когда снова смогу работать с вами. Я так рад, что вы в моей группе". На следующее утро я пришёл на работу к 7.50 утра как обычно. Как только я поставил мотоцикл перед зданием офиса, за мной остановился микро-автобус среднего размера. Я услышал, как кто-то зовёт меня

по имени, оглянулся и увидел, как шесть молодых людей приближаются ко мне. Первый накинул на меня петлю, двое выкрутили руки, двое других схватили за ноги, а последний зацепился за талию. Они подняли меня и уронили на лицо. Руки скрепили наручниками за спиной, на голову накинута чёрная капюшон. Меня забросили в машину, которая быстро уехала прочь.

Весь процесс занял менее минуты, и я понял, что меня снова арестовали за принадлежность Фалуньгун (Фалунь Дафа). Примерно через 20 минут мы приехали в больницу. Меня вытащили из машины, занесли внутрь и бросили на пол. Кто-то снял с меня обувь и протащил по полу больницы в другое отделение для полного обследования. На мне всё это время были наручники и голова была закрыта. Через 30 минут меня снова за ногу затащили в машину. Голова пять раз стукнулась о ступени здания больницы. Голова кружилась, я чувствовал очень сильное головокружение как будто небо вращалось. Это было ужасно. Молодой человек смеялся, однако, моя голова ритмично ударялась о ступени с громким “бах”. Они протащили меня ещё метров 30 по гравию внутреннего двора. Потом снова подняли и бросили в машину.

Наконец, когда мы прибыли в караульное помещение центра заключения Чанлэ, с меня сняли чёрный капюшон. Я узнал полицейских, которые меня арестовали. Они работали в городе Вэйфан и местном подразделении безопасности района Куйвэнь. Один из них сказал мне: “Мы ждали тебя долго, но не могли собрать достаточно доказательств против тебя. Один из практикующих по имени Цао перевёл всю вину на тебя в этот раз, и теперь тебя ждут большие неприятности. Мы хорошо знаем, что ты не совершал никаких преступлений, но мы действительно проследим, чтобы на этот раз ты умер”.

Центр заключения округа Чанлэ находился вне поля зрения общественности, поэтому полиция могла применять ко мне самые жестокие методы пыток. В ночь прибытия меня приковали к

железному стулу и в течение 33 часов не давали ни еды, ни питья, не разрешали пользоваться туалетом.

Согласно директивам городского и районного отделов внутренней безопасности меня оставили сидеть на железном стуле все следующие шесть месяцев. Полиция проводила длительные допросы, иногда всю ночь напролёт. Я всё время находился в сидячем положении и не мог прилечь отдохнуть. В течение этих шести месяцев мне приходилось переносить невероятный холод и тяжкий зной. Ноги распухли и сильно болели. У меня также было учащённое сердцебиение.

Однажды полицейский Сунь заступил на смену и очень грубо спросил меня о чём-то. Я не ответил, поэтому он подскочил ко мне и начал яростно ругаться. Погружённый в свою ярость он схватил бутылку с дезинфицирующим средством и плеснул его мне на голову и лицо. Поскольку я был прикован к железному стулу, то не смог уклониться. Сунь не остановился на этом, он набрал в бутылку холодной воды и ещё раз десять плеснул мне её в лицо.

Моя одежда промокла насквозь. Дезинфицирующее средство и вода полились по телу, в обувь, разлились по полу. Была зима, стоял жуткий холод. Меня трясло от холода. Сунь оставил меня, запертым на стуле. В конце концов, обувь и носки высохли, но кожа и волосы были сожжены. За следующие шесть месяцев я потерял 70 процентов волос, голова сильно чесалась, появилась перхоть в огромном количестве.

“Кровать мертвеца” это большая самодельная кровать с четырьмя железными кольцами, прикреплёнными по углам. Посреди кровати было большое отверстие, чтобы человек мог испражняться. Отверстие обычно закрывалось деревянной доской, закреплённой металлическими штырями. Однако, когда меня приковали к кровати, металлические штыри заменили бамбуковыми палками, которые изнашивались и сломались в течение дня. Мои ягодицы провалились в отверстие и застряли.

Привязывание к «кровати смерти» очень похоже на прикрепление цепями к кресту. Руки и ноги расставлены и были прикреплены к четырём кольцам по углам так, что я не мог двигать ни руками, ни ногами. Металлические кольца врезались в лодыжки, отчего текла кровь. Всё тело затвердело через некоторое время и боль была невыносимой. Я сжимал зубы и считал минуты. Не имея возможности двигать ногами длительное время, я потерял чувствительность в левом бедре. На восстановление после этой травмы ушло три года.

Испражняться в таком состоянии было очень трудной задачей. Я терпел сколько мог. Когда я уже более не мог сдержаться, то испражнялся прямо в штаны. В результате постоянного искусственного сдерживания у меня началось недержание. А временами я не мог помочиться, даже если было очень нужно, отчего желудок сильно отекал. Боль невозможно описать. По меньшей мере, пять из шести месяцев, в течение которых меня допрашивали, я был прикован к железному стулу в комнате допросов. Исключениями были перевод на «кровать мертвеца» на три недели, и три ночи на двухъярусной кровати в камере, где мне семь раз вводили внутривенно разные неизвестные препараты, и каждый раз около 10 часов в больнице.

Пока я был прикован к стулу, трижды шёл снег, а ночью температура в комнате для допросов часто опускалась ниже нуля. Полицейские забрали мою зимнюю куртку и оставили мне только двое тонких штанов. Днём я мог терпеть, но в самые холодные часы ночи я сильно замерзал и дрожал от холода. В середине марта охранник открыл окно над дверью позади меня и оставил его открытым, так что там был постоянный сквозняк, который пробирал меня до костей. Я часто терял сознание от ледяного холода.

Всё лето я провёл на железном стуле в комнате для допросов. Летом невыносимо жарко, и все стараются избегать комаров. Во всех камерах Центра заключения, кроме комнаты для допросов, на окнах и дверях были сетки для защиты от комаров. Сотрудники,

занимавшиеся моим делом, проводили много времени во дворе, обмахиваясь веером, или оставались в караульном помещении с сеткой. Даже в течение короткого времени, проведённого в комнате для допросов, они распыляли на себя средство от комаров. Однако дверь в комнату для допросов оставалась широко открытой. Я был прикован к железному стулу наручниками за спиной, и меня постоянно кусали комары.

В знак протеста против бесчеловечного обращения я объявил голодовку. В желудок через нос мне вставили трубку для кормления и закрепили её на голове тканью и скотчем. Руки были скованы наручниками за спиной, поскольку охранники считали, что я вытащу трубку, если они этого не сделают. Руки были скованы наручниками за спиной круглосуточно. Когда мне удавалось задремать, то я просыпался через пару минут от боли. Постепенно это время увеличивалось с 5 до 10 минут. Более пяти месяцев с наручниками за спиной, прикреплённый к железному стулу, я спал не более двух часов, пока меня не перевели из центра заключения в 2010 году.

После длительного нахождения в наручниках за спиной руки человека обычно настолько немеют, что он не может ими пошевелить, когда наручники внезапно снимают. После недели нахождения в наручниках человек не может поднять рук в течение трёх дней. После 10 дней нахождения в наручниках с заведёнными за спину руками человек не может поднять рук выше плеча в течение 5 дней. Я провёл в наручниках за спиной 5 месяцев. Многие говорили мне, что руки больше не будут двигаться никогда, и я стану инвалидом.

В течение двухмесячного периода с середины мая до середины июля 2009 года мне более 40 раз говорили, что городские власти дали указания по поводу моего дела, и всё, что от меня требуется, это сказать, что я перестану практиковать Фалуныгун. Если бы я сказал это, меня бы отпустили на следующий день, и я бы сразу вернулся на работу в качестве чиновника окружного уровня. Я бы получал свою зарплату, которая была удержана во время моего

заклучения, и мне бы выделили жильё. Однако я продолжал молчать.

До того, как я стал практиковать Фалунь Дафа, у меня были неизлечимые болезни, я находился на грани смерти. Я был морально испорчен и шёл к самоуничтожению. Но Дафа изменил меня в корне и превратил меня во внимательного и честного человека, хорошего чиновника. Как я мог отказаться от практики Дафа? Как может пробудившийся человек отказаться от веры в Истину, Доброту, Терпение?

После того, как срок моего пятилетнего тюремного заключения закончился в декабре 2009 года, допросы прекратились, и полицейские уехали из центра заключения. Меня перевели оттуда через восемь с половиной месяцев. Из-за пыток в Центре заключения я невероятно ослабел, когда прибыл в мужскую тюрьму Шаньдун, поэтому меня сразу госпитализировали. Тюремные охранники посещали меня и оказывали на меня давление в больнице, чтобы заставить меня отказаться от моих духовных убеждений. Когда их попытка не удалась, меня перевели обратно в тюрьму.

Затем меня перевели в тюрьму провинции Шаньдун в марте 2020 года. В этой тюрьме с 2002 года содержалось много мужчин, практикующих Фалуньгун. Их отправляли сюда со всей провинции. В противовес заявлениям Министерства тюрем о том, что они «современные и цивилизованные», в четырёх стенах этого учреждения совершались все виды организованной преступности, направленные против практикующих Фалуньгун. Администраторы и охранники использовали насилие и “промыывание мозгов”, чтобы заставить практикующих отказаться от своей веры. До моего прибытия в эту тюрьму двенадцать последователей Фалуньгун умерли, находясь в заключении.

Я рассказал о Дафа одному охраннику в первый же день, а также поделился своим опытом работы тюремным охранником и объяснил ему, что стать хорошим человеком благодаря совершенствованию по Дафа – это очень хорошо, а вот преследование – это очень плохо.

“Тот, кто участвует в преследовании, однажды столкнётся с последствиями”, – сказал я ему. Однако никто меня не слушал.

Чтобы “перевоспитать” меня и заставить отказаться от духовных убеждений, охранники использовали разного рода отвратительные, злобные методы, включая телесные наказания, избиения и сексуальное насилие. Заместитель директора Чжан и другие заставляли меня сидеть на маленьком табурете или стоять в течение длительных периодов времени. Каждый день меня заставляли сидеть на маленьком пластиковом табурете и не разрешали двигаться, а самый длинный сеанс длился 17 часов подряд. За мной круглосуточно наблюдали уголовники. Если я хоть чуть-чуть шевелился, мне наносили удары, а иногда и избивали. За время пребывания в тюрьме меня избили более 60 раз. В первый же день меня избили до полусмерти.

Пребывание в сидячем положении без возможности двигаться сказалось на моём физическом состоянии. У меня появились язвы на ягодицах, которые были очень болезненными. Тем не менее, меня по-прежнему заставляли сидеть. В результате на ягодицах образовались глубокие гнойные раны. Охранники также заставляли меня стоять рядом с кроватью в течение длительных периодов времени, самый продолжительный из которых составил 11 часов. Мне не разрешалось ложиться спать, в то время, когда сокамерники ложились спать. Начальник Чжан сам решал, когда мне ложиться спать.

Мои ноги ещё не восстановились после прошлых травм, а теперь отёк и онемение стали ещё сильнее. После 40 дней длительного стояния или сидения мои ноги стали фиолетово-чёрными, и я постепенно терял чувствительность стоп. Они распухли, и я не мог носить обувь. Но директор Чжан не сдавался, заставляя меня сидеть или стоять все дольше и дольше.

Однажды ночью, после того, что я простоял 11 часов, ноги полностью онемели. Я больше не мог стоять и упал на пол. Однако мне не разрешили лечь в постель. Заключение Лю сделал мне

подпорку и заставил сидеть на маленькой табуретке до двух часов ночи.

Через месяц после заключения в тюрьме сокамерники Лю и Сунь начали словесно оскорблять меня. Лю ударил меня так сильно, что правое ухо полностью перестало слышать. Месяц спустя заключённый Янь ударил меня ногой в промежность и повредил гениталии. На восстановление ушло более трёх лет.

Охранники из отдела №11 подговорили уголовников Вэя, Лю и Суня унижать меня и издеваться надо мной. Лю и Сунь пытались насильно накормить меня неизвестным веществом из большой бутылки из-под “Спрайта”. Я сопротивлялся, и в конце концов они сдались. Лю попытался спустить мои штаны и дотронуться до моих интимных частей, как он делал это с другими последователями Фалуньгун. Я сурово сказал ему: “Лю, ты ровесник моего сына. Я старше твоего отца. Если ты оскорбишь меня, разве это не то же самое, что оскорбить твоего отца?”. Только тогда он остановился.

Как только Лю остановился, Сунь дал мне сильную пощёчину, от которой правое ухо оглохло навсегда. Сунь и Лю отнесли меня на кровать. Когда Сунь сидел на моей верхней части тела, Лю сел мне на колени, снял с меня носки и использовал сломанную пластиковую палку от вешалки для одежды, чтобы с большой силой царапать середину ступней. Он прошёлся туда-сюда более 30 раз, в результате чего подошвы ног опухли. Следующие пять дней мне было трудно ходить.

В начале апреля 2010 года охранники подразделения поручили другому преступнику Яню (36-ти лет) избивать и пытаться меня. Янь был безжалостен и бил меня сильнее, чем Лю и Сунь. От его удара или пинка меня отбрасывало назад более чем на три метра. За две недели Янь избил и словесно оскорбил меня более 40 раз.

Однажды утром Янь неожиданно ударил меня в промежность пальцами ног. Я скрючился на полу, потя от боли. Это привело к тому, что половые органы онемели на три с половиной года. Гениталии стали чёрно-фиолетовыми. Заключённый Жэнь, который

видел мои гениталии в душе, предсказал, что жить мне осталось недолго, утверждая, что он видел гениталии мёртвых людей, и они были такого же цвета.

Заключённый Чжан и другие были назначены следить за мной и постоянно угрожать мне смертью. Когда Чжан увидел, что мои ноги распухли, почернели и побагровели, много раз он говорил мне следующее:

“Твои ноги уже не вылечишь можно лишь ампутировать. На самом деле, тебе ещё повезёт, если их ампутируют, и ты только останешься инвалидом. Самое худшее, что может случиться: ты просто не выживешь. Говорю тебе, у прокурора уже запасена урна и завещание для тебя, когда ты сделаешь свой последний вздох. Как только смерть настигнет тебя, сразу выйдет заключение о вскрытии, где будет сообщено, что ты умер естественным путём. Тюрьма будет совершенно не при чём. Некого будет винить, никто не понесёт ответственность. Жена с сыном приедут забрать урну, а отец с матерью некоторое время ещё поплачут”.

“Тебя также легко убить, как и муравья”, – часто говорил он.

Заключённый Тэн также постоянно говорил мне: “Слушай, я скажу тебе правду. На этот раз полицейские прислали тебя сюда умирать они никогда не дадут тебе выйти отсюда живым. В каждой тюрьме есть квота: 5 из 1000. Если ты умрёшь здесь, войдёшь в квоту и тюрьма не понесёт ответственности”.

До 2012 года меня содержали в подразделении для заключённых с психическими болезнями. В то время меня запугивал заключённый Цзинь, которому было уже за 50, и он страдал от биполярного расстройства. Он трижды прибегал ко мне в ванную, кричал и клялся при всех, что убьёт меня.

Меня перевели в обычное подразделение к концу мая 2012 года. Охранники и заключённые начали вкладывать в мою пищу и напитки неизвестные вещества. Меня подвергали ужасному, жестокому отравлению.

В 2013 году, на шестой день китайского Нового года, заключённый Фэнцзы, подстрекаемый начальником отделения, насильно кормил меня через трубку, вставленную в нос. До конца дня я больше не принимал ни пищи, ни воды. Посреди ночи я проснулся от сильной головной боли, а когда открыл глаза, мне показалось, что мир кружится. Я сразу же закрыл глаза и не решался открыть их в течение следующих трёх часов. У меня была пульсирующая головная боль, и я чувствовал себя больным. Желудок заурчал так сильно, что я свесил голову с кровати и меня вырвало. К 7.10 утра меня вырвало дюжину раз, и я насчитал семь случаев, когда в рвоте была кровь.

Около 9 утра ко мне зашёл начальник подразделения и спросил: “Что случилось? Нужно отвезти вас в больницу?”. Я сказал ему: “Думаю, кто-то подложил в мою еду яд. У меня кружится голова и меня тошнит кровью”.

Следующие три дня я не мог встать с кровати, и меня перестали насильственно кормить. Я только ходил один раз в день в туалет, опираясь на спинки кроватей. В моче была кровь.

Через три дня после отравления, девять дней подряд я видел кровь в стуле. Также у меня было сильное головокружение. Как 80-летний старик, я садился на край кровати, вставал и медленно шёл, а через несколько минут меня снова тошнило.

В течение следующих шести месяцев такие эпизоды повторялись примерно каждый месяц, и каждый из них длился около пяти дней. Один из них произошёл 17 марта 2013 года, примерно в 10.30 вечера. В это время я лежал в постели и вдруг почувствовал головокружение и у меня началась рвота. В последующие шесть месяцев приступы стали реже и случались раз в два месяца.

Через три дня после освобождения из тюрьмы я почувствовал такое головокружение, что не мог встать с постели и не мог есть. Я не мог открыть глаз. Это продолжалось пять дней, затем это повторялось каждые пять дней. Однажды я был за городом на тренинге, и через два дня после него у меня началось сильное

головокружение, и меня вырвало в туалете. Я прилёг отдохнуть и потерял сознание на пять часов.

В последнее время я прочитал много сообщений на Minghui о случаях отравления практикующих Фалуньгун в заключении или тюрьме. В одном из отчётов говорится о женщине, которая была отравлена в тюрьме, и после освобождения её ноги почернели и, в конце концов, она лишилась ног. Людям трудно представить или поверить в это, не видя фотографий. Однако, поскольку я сам испытывал очень похожие симптомы, я знаю, что это реально.

В марте 2016 года у меня сильно опухли ноги и ступни. Однажды я заметил, что нижняя часть ног стала серовато-тёмного цвета, в отличие от нормального бледного цвета кожи на остальной части ноги. То, что я раскрыл здесь, является лишь верхушкой айсберга бесчисленных преступлений, совершённых китайским коммунистическим режимом против практикующих Фалуньгун».

Дело Хунбинь Линь

43-летний последователь Фалуньгун Хунбинь Линь был морским офицером в китайской армии, который попал из «рая в ад», когда его стали преследовать за духовные убеждения.

Он провёл полтора года в лагере принудительного труда, несмотря на то что ему не было предъявлено никаких обвинений, и он не был осуждён ни за какие преступления. После освобождения из заключения в 2002 году он написал на баннере «Фалуньгун — это хорошо».

Этот поступок привёл к тому, что его обвинили в «нанесении ущерба правопорядку» и приговорили к шести годам лишения свободы.

Линь сказал, что после второго ареста он отправился в суд, но у него нет надежды на освобождение, потому что адвокатам, представляющим интересы последователей Фалуньгун, «не разрешается заявлять о невиновности» от имени своих клиентов в

Китае. Несколько адвокатов, которые заявили о своей невинности за последователей Фалуньгун, были арестованы и задержаны.

«В Китае нет свободы слова», — говорит Линь.

По словам Линя, во время пребывания в неволе он подвергался ударам электрическим током от рук тюремных властей. По его словам, заключённых из числа преступников заставляли помогать охранникам преследовать последователей Фалуньгун.

«После третьего дня моего пребывания в тюрьме, поскольку я отказался признать, что совершил преступление, тюремные охранники начали пытаться меня различными методами, например, бить электрическими дубинками», — сказал он.

«Меня окружали два полицейских с электрическими дубинками и преступники. Они прижимали меня к земле, наступали на ноги, некоторые выворачивали мне руки. Один из них придавил меня к полу, на ноги мне встали около 10 человек. Затем они били меня током по голове, лицу и нижней части тела. Они били меня до тех пор, пока их дубинки не разрядились.

Затем меня приковали к железному каркасу кровати и лишили сна, это длилось до 15 дней».

Около года мистер Линь спал рядом с туалетом. Его жилое пространство «было меньше, чем стул, около 1-2 м в длину».

«Меня часто заставляли лежать на земле со связанными сзади руками, — сказал он. — Я чувствовал себя тяжело раненным и душой, и телом».

По его словам, охранники обращались с людьми хуже, чем с собаками.

«Еду ставили на грязный пол, без столов, — говорил Линь. — Когда мы ели, мы ели с пола».

«Полицейские обращались с преступниками и с нами как хотели: нас били, когда им вздумается, оскорбляли и унижали, как им вздумается. Они проклинали и избивали нас в любое время».

По словам Линя, во время пребывания за решёткой он был свидетелем пыток и унижений многих других политических заключённых.

«Один из начальников тюремного отделения на глазах у многих заключённых заставил одного заключённого снять с себя всю одежду и стал издеваться над ним прилюдно, выставляя его на солнечный свет в качестве способа унижения, потому что считал, что тот недостаточно хорошо трудится», — сказал Линь.

По его словам, некоторых заключённых запытали до смерти.

«Я чувствую себя совсем по-другому в Австралии, в свободной стране, — сказал он. — Здесь люди даже не хотят обижать животных и уважают людей, человеческие существа. А в Китае нет уважения к правам и достоинству человека».

Дело Чан Чжи Юэ

Чан Чжи Юэ, 78 лет, была инженером-электриком в авиационном отделе и художником, когда её арестовали за практику Фалуньгун. Четыре года она содержалась в Пекинской женской тюрьме, где её пытали и издевались, несмотря на то что ей не было предъявлено никаких обвинений, и она не была осуждена ни за какие преступления.

«В тюрьме я многократно подвергалась длительным пыткам различными способами, — рассказала она в интервью news.com.au. — Девять полицейских пытали меня в течение пяти часов, в результате чего я получила множественные переломы позвонков: перелом шейного отдела позвоночника, деформацию поясничного отдела, выпирающего влево и вперёд, и деформацию таза».

«Внезапно подошёл мужчина, схватил меня и силой повалил на пол. Они били меня, с силой били, выкручивали руки, а потом стали бить по зубам. Кто-то придавил меня к полу, потом поднял, пока я не села, а затем раздвинул мои ноги. Мои ноги от природы не раздвигаются так широко, поэтому несколько человек одновременно

раздвигали мои ноги, тянули, давили, наступали мне на ноги. В этот момент я услышал треск — это ломалась кость в бедре. После этого сломалась кость в спине. Позже он спросил меня, когда я была почти без сознания, буду ли я продолжать практиковать (Фалуньгун)».

Фэнъин Чжан, 66 лет, была похищена из дома и отправлена в центр содержания под стражей, а затем в трудовой лагерь в 2013 году за то, что она практиковала Фалуньгун.

Дети-жертвы

Дети последователей Фалуньгун также стали жертвами репрессий. Некоторые дети были задержаны и подверглись насилию, многие пострадали в результате преследования их родителей. Многие дети стали бездомными сиротами, брошены на произвол судьбы властями, которые заключили их родителей в тюрьму или убили. Учащихся исключали из школ за то, что они практиковали Фалуньгун, или с целью заставить их родителей отказаться от практики. Большинство из них страдали от последствий дискриминации, вызванной промыванием мозгов их сверстников путём лживой пропаганды компартии, настраивающей против Фалуньгун, и становились социальными изгоями, подвергаясь унижениям и издевательствам.

«Взросление в страхе и наблюдение за тем, как их близких арестовывают и пытаются, будет влиять на этих детей долгие годы», — говорится в отчёте «Минхуэй».

В книге «Минхуэй» («Minghui») упоминается случай Го Юэтун, годовалой девочки, которая провела год в Центре промывания мозгов Чангли в провинции Хэбэй на севере Китая в 2001 году, будучи задержанной вместе с матерью, практикующей Фалуньгун. Ребёнок присутствовал при пытках матери — избиениях, насильственном кормлении и ударах электрическими дубинками.

«Каждый раз, когда охранники пытали её мать, Юэтун была так напугана, что пряталась в углу и плакала», — говорится в отчёте «Минхуэй».

Юэтун исполнилось 3 года, когда она находилась в центре промывания мозгов. Через три года её мать снова задержали.

13-летнюю девочку насильно кормили в центре промывания мозгов. Чэнь Си было всего 13 лет, она училась в средней школе в юго-западном китайском городе Чунцине, когда её арестовали за распространение информации о Фалуньгун в 2001 году. Полиция избила её и отправила в Центр промывания мозгов Гелешань, где её допрашивали. В знак протеста девочка начала голодовку, и полиция насильно кормила её в течение двух недель. После освобождения ей не разрешили вернуться в школу, потому что она продолжала практиковать Фалуньгун.

Девочка-подросток травмирована после того, как стала свидетелем пыток её родителей. В апреле 2003 года полиция заставила Юаньюань, 16-летнюю девочку из северной китайской провинции Хэйлунцзян, смотреть, как её родителей привязывали к «тигровой скамье» — пыточному устройству, предназначенному для причинения невыносимой боли в ногах, и подвергали их другим подобным пыткам.

Полицейские также насильно кормили её родителей большим количеством горчичного масла через рот и нос и душили их, надевая на голову пластиковые пакеты. Когда Юаньюань и её родителей отпустили, полицейские сказали Юаньюань, что она должна стоять неподвижно у дверей своего дома в течение нескольких часов.

«Они угрожали избить её родителей, если она посмеет пошевелиться, поэтому Юаньюань стояла неподвижно, пока её ноги не распухли и не стали фиолетовыми», — говорится в отчёте «Минхуэй».

Эти переживания сказались на психике Юаньюань, она не смогла продолжать учёбу и начала скитаться по улицам, питаясь едой из мусорных баков.

Пытки над женщинами-практикующими Фалуньгун

Десятки тысяч женщин-практикующих подвергаются невероятным издевательствам, включая изнасилования, принудительные аборты, заключение, физические пытки, введение неизвестных лекарственных препаратов, и у них даже извлекают органы, когда они ещё живы. И в дополнение к этому, бесчисленное количество семей было разбито.

Болезненный выкидыш посредством подвешивания и бросания вниз, в то время как муж был вынужден смотреть на это. В исправительно-трудовом лагере Ваньцзя в провинции Хэйлунцзян женщину, находящуюся на седьмом месяце беременности, подвесили к балке. Её руки были связаны верёвкой, которая была перекинута через шкив, прикреплённый к балке, расположенной на высоте трёх метров над полом. Затем стул, на котором она стояла, выбили из-под её ног, и одновременно полицейский неожиданно ослабил верёвку. Женщина сразу же упала на пол, сильно ударившись. Полицейские

снова натянули верёвку, чтобы поднять женщину в воздух, а затем ослабили её, чтобы она снова сильно ударилась об пол. Преследователи неоднократно пытали её таким способом. Практикующая страдала от сильной боли, и в результате у неё произошёл выкидыш.

Чтобы проявить ещё большую жестокость, полицейские заставляли мужа наблюдать за тем, как пытаются его жену, и он своими глазами видел, как они убили его ещё не родившегося ребёнка.

Ло Бицун зверски избили, её беременность была прервана против её воли.

24 декабря 2000 года 32-летнюю Ло Бицун незаконно заключили в центр «промывания мозгов», расположенный в посёлке Ланчи провинции Сычуань. В центре её зверски избили пятеро преследователей. В то время Ло находилась на четвёртом месяце беременности. Всё её тело было покрыто порезами и ушибами. Она не могла контролировать свой мочевой пузырь, и у неё открылось маточное кровотечение.

От жестоких избиений обе её ноги стали фиолетового цвета, её руки и голова распухли, а рот был наполнен кровью. Через неделю её освободили. Так как Ло продолжала практиковать Фалуныгун, к ней отправили людей, чтобы сделать ей принудительный аборт. Её четырёхмесячный не рождённый младенец был убит. Через двадцать дней полицейские снова пришли к ней домой, чтобы незаконно арестовать её.

Лю Юньсян дважды теряла ребёнка из-за жестоких избиений. В январе 2000 года агенты КПК под руководством Хуа Гуанюна, бывшего руководителя политико-юридического комитета посёлка Цзюньбукоу в Вэйфан провинции Шаньдун, привезли практикующих Фалуньгун в команду Цзюньбукоу для жестоких пыток. Практикующих заставляли убирать снег. Мужчины-практикующие были раздеты до пояса, а женщины были босиком. Охранники избивали практикующих резиновыми шлангами. Под руководством начальника юридического отдела Ся Бинтана преследователи подвергали практикующих физическим пыткам, их избивали деревянными палками и резиновыми шлангами. В результате у 32-летней Лю Юньсян случился выкидыш. Однажды вечером летом 2001 года больше десяти агентов КПК, которыми руководили Гао Чжундэ, заместитель начальника Дай Цинцзюнь и начальник юридического отдела Ся Бинтан, снова незаконно арестовали практикующих Фалуньгун, которых затем жестоко избивали и поражали током электрических дубинок. В результате у Лю случился второй выкидыш.

Не родившийся ребёнок умирает после двух дней агонии. Практикующую Фалуньгун Цзинлянь и её мужа незаконно арестовали за то, что она поехали в Пекин с апелляцией в защиту Фалуньгун. После того, как их привезли обратно, местная полиция захотела отправить их в заключение. Однако из-за того, что Цзинлянь находилась на седьмом месяце беременности, центр заключения отказался принять её. Полицейские сказали, что если она перестанет практиковать Фалуньгун, то сможет сохранить ребёнка и будет освобождена, в противном случае ей сделают принудительный аборт.

Затем полицейские насильно доставили её в больницу, чтобы сделать ей инъекцию ядовитого препарата. Ещё не родившийся ребёнок перед смертью мучился больше сорока часов. В сильной агонии, много раз теряя сознание, Цзинлянь родила мёртвого ребёнка. Она была убита горем, и слёзы текли по её щекам. Она была сильно травмирована убийством её ещё не родившегося ребёнка. Через неделю, когда полицейские увидели, что она немного восстановилась от травмы, они снова захотели отправить её в центр заключения, сказав: «Мы получили приказ от нашего начальства. Всё что касается Фалуньгун, никакие меры не являются чрезмерными».

Это лишь капля в океане, бесконечном, чёрном океане зла, который разливается по миру под маской «защиты общества», под предлогом борьбы с «опасными сектами». Представьте себе: эти строки, эти имена — Ло Бицун, Лю Юньсян, Цзинлянь — они не просто буквы на экране, они эхо криков, которые разрывают душу. Это не вымысел, не голливудский триллер, а голая, эмпирическая правда, подтверждённая тысячами свидетельств, отчётами ООН, расследованиями правозащитников и даже признаниями самих палачей. Десятки тысяч женщин, чьи тела стали полем битвы за чьё-то идеологическое превосходство; миллионы жизней, разорванных на куски, как те верёвки, на которых их подвешивали. А ведь это только то, что прорвалось сквозь цензуру, сквозь стены лагерей и «центров

промывания мозгов». Настоящий масштаб? Он скрыт в тишине могил, в глазах матерей, которые больше никогда не улыбнутся, в руках отцов, которые навсегда сжимаются в кулаки беспомощности.

Антикультовая организация — это не просто группа фанатиков с лекциями. Нет, это паутина манипуляторов сознания, искусных кукловодов, которые дергают за нити чужих умов, чтобы те руки, что дрожат от ужаса, наносили удары. Они шепчут: «Это секта, это угроза, это зло». И вот уже сосед предаёт соседа, коллега доносит на друга, а государство превращает слово «сектант» в приговор смерти. Эти манипуляторы — мастера иллюзий, они могут так глубоко забраться в подсознание, что жертва сама берёт в руки резиновый шланг или иглу с ядом, убеждённая, что спасает мир. Руками других они творят то, от чего сами, возможно, в кошмарах просыпаются — но нет, их сны спокойны, потому что вера в свою «правоту» — это наркотик сильнее любого зелья. И дальше... о, дальше будет ещё ужаснее. То, что вы только что прочитали, — это не пик, а лишь преддверие ада. Представьте: живые люди, ещё дышащие, ещё бормочущие молитвы, — и их сердца вырезают на продажу, как товар на рынке. ООН в 2021 году выразила «глубокую тревогу» по поводу принудительного извлечения органов у практикующих Фалуныгун — тысячи случаев, где узники, отказавшиеся отречься от своей веры, становились донорами для «элиты», ждущей трансплантатов. Это не метафора, это бизнес: отчёты показывают, что Китай проводит до 60 000 трансплантаций в год, и источник? Не добровольцы, а те, кого сломали пытками, изнасилованиями, электрическими разрядами.

Эти факты здесь не для того, чтобы шокировать — хотя, Боже, как же они жгут душу! — а чтобы вы, всего на чуть-чуть, приоткрыли завесу над тем, к чему приводит это слово: «сектант». Оно кажется безобидным, почти забавным в спорах за чай, но за ним — сеть антикультовых жизнененавистников в самом прямом, буквальном смысле. Жизнененавистников, потому что их ненависть к «чужому» — будь то вера, практика, просто инакомыслие — пожирает всё живое. Они ненавидят жизнь в её разнообразии, в её хрупкой

красоте, где женщина на седьмом месяце носит под сердцем надежду, а мужчина смотрит, как эта надежда умирает в луже крови. Они манипулируют страхом, чтобы оправдать жестокость: «Это не мы, это они виноваты, они — угроза». И вот уже тысячи женщин, как Кристал Чен, подвергаются 14-часовым избиениям, чтобы «сломать дух», или как те, кого насилуют в камерах, чтобы «выжечь» веру. Беременные, которых бьют до выкидыша, как Лю Юньсян — дважды, трижды, бесконечно, — потому что их плод «заражён» идеей свободы духа.

А теперь представьте лица: не абстрактные «практикующие», а живые души. Ло Бицун, 32 года, с фиолетовыми ногами и кровью во рту, выталкивает из себя жизнь, которую так ждала. Её слёзы — это океан, который мы все должны почувствовать. Муж Цзинлянь, стоящий в углу камеры, скованный цепями, видит, как его ребёнок корчится в агонии 40 часов, прежде чем затихнуть навсегда. Его сердце — разбитое зеркало, в осколках которого отражается вся бессмысленная жестокость мира. И это не единичные истории, это системный геноцид, как называют его правозащитники, вторая волна после культурной революции, где миллионы невинных людей превратились в "врагов народа". Женщины становятся мишенями: изнасилования как «оружие подавления», принудительные аборты как «контроль популяции инакомыслящих», пытки, чтобы сломать не только тело, но и душу, чтобы женщина, потерявшая ребёнка, потеряла и волю к жизни.

Как же это больно — писать об этом, чувствовать, как ком в горле растёт, а глаза жжёт от слёз, которые не пролить на бумаге. Эмоционально — потому что за каждым фактом стоит чья-то мать, чья-то дочь, чья-то сестра, чья-то любовь, раздавленная сапогом идеологии. Эмпирично — потому что это не легенда: расследования, как «Bloody Harvest» Килгора и Мейтоса, фиксируют тысячи имён, дат, мест; свидетели, пережившие ад, шепчут правду в микрофоны правозащитных организаций; даже бывшие офицеры полиции

признаются: «Я видел аресты, пытки, извлечение органов». Это океан, и каждая капля — слеза, кровь, последний вздох.

Но в этом океане зла есть и свет: стойкость тех, кто не сломался, кто продолжает практиковать втайне, делиться историями, чтобы мир не забыл. Антикультисты, эти манипуляторы, хотят, чтобы мы молчали, чтобы слово "сектант" стало клеймом, а не предупреждением о их собственной тьме. Они приводят к тому, что мы знаем, руками других — соседей, чиновников, «защитников» — но дальше... дальше ждёт ещё больше: массовые интернирования, где пытки стали рутинной; «промывание мозгов» с электрошоком, от которого люди теряют рассудок; и гора органов, продаваемых на чёрном рынке, где сердце практикующей бьётся в груди богача, а её душа — в вечном крике справедливости.

Пусть эти строки тронут вас, разожгут в груди огонь эмпатии, заставят задуматься: а если бы это была ваша сестра? Ваша жена? Ваш ребёнок? Слово «сектант» — это не шутка, это дверь в ад, где жизнененавистники правят бал. И пока мы не увидим их манипуляции, не разорвём паутину, океан будет расти. Но мы можем начать с малого: с осознания, с слёз, с гнева, который превратится в голос. Потому что в конце концов, океан состоит из капель — и каждая может стать волной перемен.

Насильственное извлечение органов как индустрия

«Я видел это собственными глазами. В операционной на военной базе в Шэньяне, которую я охранял, находилась женщина, практикующая Фалуныгун, лет тридцати. Она была жива. Военные хирурги, не используя анестезии, разрезали ей грудную клетку ножом. Её руки были привязаны, и она кричала... Они извлекли её сердце, затем почки. Когда её вены перерезали, она начала дёргаться. Это было ужасно. Я видел это своими глазами...»

— *Свидетельство офицера вооруженной полиции, присутствовавшего при насильственном извлечении органов, 2002 год.*

Этот леденящий кровь рассказ — не сцена из фильма ужасов. Это прямое свидетельство очевидца, одно из многих, которые пробивают завесу молчания и государственной пропаганды, окружающую одно из самых чудовищных преступлений XXI века. Оно служит жестоким прологом к тому, что последует в этой главе: к переходу от разрозненных криков и подозрений к неопровержимой, систематизированной доказательной базе, собранной международными юристами, журналистами и правозащитниками.

Анализ доказательной базы опирается на три ключевых элемента, каждый из которых строится на основе предыдущего, создавая кумулятивный эффект, который невозможно игнорировать. Отчет Килгура-Мейтаса, опубликованный в 2006 году, стал первым всеобъемлющим расследованием, которое через холодный анализ цифр и фактов выявило колоссальное несоответствие в трансплантационной системе Китая, указав на существование скрытого и зловещего источника органов. Журналистское расследование Итана Гутмана «Бойня», опубликованное в 2014 году, придало статистике человеческое лицо, реконструировав хронологию преступления, оценив его масштабы и раскрыв дьявольскую логику «обратного подбора донора». Лондонский трибунал по Китаю в 2019 году, под председательством сэра Джеффри Найса, взвесил все имеющиеся доказательства и вынес окончательный вердикт: насильственное извлечение органов в Китае является доказанным фактом, квалифицированным как преступление против человечности.

Прежде чем перейти к статистическому и юридическому анализу, необходимо услышать голоса тех, кто столкнулся с этим преступлением лицом к лицу. Именно их свидетельства придают холодным цифрам человеческое измерение и служат отправной точкой для всех последующих расследований. Эти показания, собранные правозащитными организациями и журналистами,

делятся на три ключевые категории: свидетели-участники, родственники жертв и выжившие заключенные, прошедшие через систему «медицинского отбора».

Самыми редкими и ценными являются показания тех, кто находился внутри системы. Их свидетельства, полученные с огромным риском, раскрывают механизм преступления изнутри.

«Энни» и хирург из Суцзятунь

Одним из первых и самых шокирующих свидетельств, получивших международную огласку в 2006 году, стала история женщины под псевдонимом «Энни». Она была женой хирурга, работавшего в больнице Суцзятунь в городе Шэньян, провинция Ляонин. Её показания, данные под присягой, раскрыли масштабы и рутинный характер операций.

По словам «Энни», её бывший муж в период с 2001 по 2003 год лично участвовал в операциях по извлечению роговиц примерно у 2000 живых последователей Фалуньгун. Операции проводились в условиях строжайшей секретности. Он был лишь частью конвейера: после того как он извлекал роговицы, другие хирургические бригады извлекали внутренние органы — сердце, печень, почки. Жертвы, находившиеся под действием препаратов, парализующих мышцы, но не всегда полностью отключающих сознание, умирали на операционном столе. Их тела немедленно отправлялись в крематорий больницы, чтобы уничтожить все следы.

Психологическая травма, полученная её мужем, была огромной. «Энни» рассказывала, что он страдал от ночных кошмаров, стал замкнутым и подавленным. В конце концов, он признался ей в содеянном, что и привело к их разводу и его последующему уходу из больницы. Её свидетельство, хотя и косвенное, поскольку она не видела операции сама, стало первым инсайдерским подтверждением того, что операции по извлечению органов носили систематический и массовый характер, жертвами являлись именно последователи

Фалуньгун, органы извлекались у живых людей, а для сокрытия улик существовала система немедленной кремации.

Лу Шухэн и признание врача

Другое свидетельство поступило от Лу Шухэн, чья история подтверждает системный характер преступления и вовлечённость в него гражданских медицинских работников. Сестра её невестки, Чжоу Цин, работала заведующей отделением гинекологии и была вынуждена участвовать в операциях по извлечению органов. Чжоу Цин рассказала своей семье, что больше не может выносить этот ужас. Она описывала, как жертв, связанных и с кляпами во рту, привозили на операционный стол. Некоторые из них, даже будучи обездвиженными, пытались кричать: «Фалунь Дафа несёт добро!» Этот опыт довёл её до нервного срыва, и она отказалась от дальнейшего участия, несмотря на давление со стороны руководства.

Это свидетельство особенно важно, поскольку оно исходит не от анонимного источника, а изнутри семьи, связанной с медицинской системой, и подтверждает моральные страдания, которые испытывали некоторые врачи, принуждённые к соучастию в убийствах.

Офицер вооруженной полиции: Прямое свидетельство убийства

Наиболее ужасающим является прямое свидетельство офицера вооруженной полиции из провинции Ляонин, аудиозапись которого была тайно вывезена из Китая и представлена в качестве доказательства в нескольких расследованиях. В 2002 году он лично охранял место проведения операции, которая по факту была казнью.

«Это была женщина, практикующая Фалуньгун, ей было около тридцати. Молодая, здоровая. Ей не вводили анестезию. Военные врачи из Главного военного госпиталя Шэньяня просто разрезали ей грудь. Я стоял в метре от неё. Я видел всё. Они извлекли её сердце,

затем почки... Когда её артерии перерезали, она начала ужасно дёргаться. Это было неописуемо».

Это свидетельство разрушает любые утверждения китайских властей о том, что органы извлекаются только после смерти мозга или остановки сердца. Оно доказывает, что людей убивают *в процессе* извлечения органов. Отсутствие анестезии объясняется не только жестокостью, но и прагматизмом убийц: некоторые анестетики могут негативно повлиять на качество органов. Этот рассказ является прямым подтверждением убийства по заказу ради «свежих» органов.

Когда узник совести умирает в заключении, власти обычно сообщают семье о «внезапной смерти» от сердечного приступа или самоубийства. Однако настойчивость родственников, требующих увидеть тело, иногда вскрывает ужасающую правду.

Хань Юй и лед в животе отца

В 2004 году Хань Цзюньцин, здоровый 47-летний мужчина, был арестован за практику Фалуньгун. Через три месяца его семья получила уведомление о его смерти. Когда им наконец разрешили увидеть тело, они обнаружили длинный, грубо зашитый разрез от горла до живота. Швы были настолько неаккуратными, что казалось, их делали в спешке. Семья заподозрила неладное. Когда один из родственников надавил на живот, он почувствовал, что под кожей находится что-то твёрдое и холодное. Приложив усилие, они вскрыли шов и обнаружили, что вся брюшная полость была набита твёрдым льдом. Внутренних органов не было.

Дочь Хань Цзюньцина, Хань Юй, которая позже давала показания перед Лондонским трибуналом, рассказала, что лёд, очевидно, был помещён внутрь, чтобы сохранить тело для транспортировки и скрыть отсутствие органов при поверхностном осмотре. Этот случай — наглядное криминалистическое доказательство, оставленное убийцами в спешке.

Цзян Ли и «образцы» отца

История Цзян Сицина, 66-летнего пенсионера, закончилась так же трагично в 2009 году. После его внезапной «смерти» в трудовом лагере в Чунцине его дочь Цзян Ли добилась осмотра тела. Она вспоминала, что тело отца было ещё тёплым, что противоречило официальной версии о времени смерти. Несмотря на протесты семьи, власти насильно кремировали тело, уничтожив главную улику.

Однако позже один из сотрудников прокуратуры, сочувствующий семье, тайно сообщил им правду. Он признался, что все внутренние органы Цзян Сицина были извлечены и отправлены в некий медицинский центр в качестве «образцов». Это циничное слово — «образцы» — раскрывает степень дегуманизации жертв. Они перестали быть людьми и превратились в биологический материал, товар, который можно изъять и использовать.

Самым массовым видом свидетельств являются показания выживших узников совести Фалуньгун. Десятки людей, прошедших через лагеря и тюрьмы, рассказывают одну и ту же историю: их подвергали принудительным и необычайно тщательным медицинским обследованиям. Лю Вэньюй, Цюй Яньяо, Цзюнь Тянь и многие другие описывают одинаковый сценарий, при котором у заключённых, в основном молодых и здоровых последователей Фалуньгун, регулярно брали большие объёмы крови, проводили углублённые обследования, включая УЗИ внутренних органов, таких как печень, почки и сердце, рентген грудной клетки, ЭКГ и осмотр глаз. Эти процедуры были избирательными: больных или пожилых заключённых, а также уголовников, как правило, не трогали, а целью были именно здоровые «доноры». Результаты обследований никогда не сообщались заключённым, и никакого лечения по их итогам не назначалось; если у кого-то обнаруживали проблемы со здоровьем, его просто оставляли в покое, поскольку целью было не лечение, а оценка состояния органов.

Эти свидетельства являются ключевым звеном, соединяющим преследование с индустрией трансплантации. Они доказывают

существование процесса систематической каталогизации заключённых, создания огромной базы данных живых «доноров». Эта база данных позволяла врачам находить подходящего по группе крови и тканевой совместимости «донора» для конкретного пациента, после чего узника убивали по требованию. Именно этот процесс Итан Гутман позже назовёт «обратным подбором донора».

В совокупности эти три категории свидетельств создают прочную и непротиворечивую картину. Они показывают, что насильственное извлечение органов — это не случайные эксцессы, а отлаженная, поддерживаемая государством система, работающая в промышленных масштабах. Эти голоса из бездны стали тем моральным и фактическим импульсом, который заставил международное сообщество начать собственные расследования.

К 2006 году разрозненные свидетельства начали складываться в тревожную мозаику, но миру не хватало авторитетного, систематического расследования, которое могло бы подтвердить опровергнуть эти ужасающие обвинения. Дэвид Килгур, бывший член парламента и Госсекретарь Канады по Азиатско-Тихоокеанскому региону, и Дэвид Мейтас, известный адвокат-правозащитник, представили доказательства, указывающие на незаконную практику в Китае. Китайские больницы открыто рекламировали на своих сайтах сроки ожидания почки или печени в 1–4 недели, что резко контрастирует с многолетним ожиданием в странах с развитой системой добровольного донорства, таких как США или Германия. Такой короткий срок возможен только при наличии «живого банка» доноров, которых убивают по запросу для совместимого реципиента. Графики числа трансплантаций в Китае показывают экспоненциальный рост с 2000 года, что совпадает с началом репрессий против Фалуньгун, когда за короткий промежуток времени десятки тысяч людей были заключены в тюрьмы и трудовые лагеря без суда. Выжившие последователи Фалуньгун свидетельствовали о странных медицинских обследованиях в заключении: у них брали большие объёмы крови,

проводили УЗИ почек, печени и сердца, проверяли роговицу, но не сообщали результаты и не оказывали медицинскую помощь, даже при болезнях или травмах. Эти процедуры, не имевшие терапевтической цели, соответствовали тестам для проверки совместимости органов, и, как правило, не применялись к другим заключенным, например, уголовникам. Следователи, представляясь родственниками пациентов, нуждающихся в пересадке, обзванивали китайские госпитали и трансплантационные центры, и в записанных разговорах врачи и медсестры подтверждали доступ к «свежим» и «здоровым» органам от практикующих Фалуньгун.

Их работа, опубликованная в июле 2006 года под названием «Кровавая жатва: Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» (*Bloody Harvest: Report into Allegations of Organ Harvesting of Falun Gong Practitioners in China*), стала первым независимым расследованием, которое привлекло к проблеме широкое международное внимание.

«Мы столкнулись... с новой формой зла на этой планете». — Дэвид Мэйтас, соавтор отчета «Кровавая жатва»

Китайское правительство немедленно отказало Килгуру и Мейтасу во въезде в страну для проведения расследования на месте. Столкнувшись с этой стеной, исследователи применили методологию, типичную для юридического анализа сложных дел, основанных на косвенных доказательствах. Они заявили, что если нельзя получить прямое «признание» или «улику с места преступления», то можно собрать воедино множество независимых друг от друга косвенных улик. Если каждая из них по отдельности может быть оспорена, то их совокупность, указывающая в одном направлении, создаёт неопровержимую картину.

В первоначальной версии отчета они представили 33 вида доказательств, которые позже были расширены до 52. Эти доказательства можно сгруппировать в несколько ключевых направлений.

Самым мощным и объективным доказательством, представленным в отчете, стал анализ официальной статистики трансплантаций в Китае. До 2015 года китайские власти утверждали, что основным источником органов являются приговорённые к смертной казни заключённые. Система добровольного донорства в Китае практически отсутствовала из-за культурных традиций. Килгур и Мейтас, анализируя период с 2000 по 2005 год, задокументировали резкий рост числа операций по пересадке органов, начавшийся сразу после 1999 года, когда стартовало преследование Фалуньгун. Если в 1999 году было проведено около 5000 трансплантаций, то к 2005 году их число увеличилось до 20 000 в год. За шестилетний период в Китае выполнили около 60 000 трансплантаций. Исследователи изучили официальные данные по числу казней, которые были государственным секретом, но, по оценкам международных организаций, составляли несколько тысяч в год. Даже при самых высоких оценках Килгур и Мейтас установили, что казнённые преступники могли обеспечить не более 18 500 органов за этот период, что выявило необъяснимый разрыв в 41 500 операций между общим числом трансплантаций и максимальным числом органов от казнённых.

Источник 41 500 операций по пересадке органов остался необъяснённым.

Этот колоссальный разрыв стал центральным пунктом обвинения. Китайское правительство так и не смогло предоставить убедительного объяснения, откуда взялись десятки тысяч органов. Единственным логичным объяснением, которое соответствовало хронологии и масштабам, был новый, огромный источник «доноров», появившийся после 1999 года, — сотни тысяч заключённых последователей Фалуньгун.

Вторым неопровержимым доказательством стала реклама китайских больниц и трансплантационных центров. В отличие от стран с развитой системой донорства, таких как США, Канада и Европа, где ожидание донорского органа, особенно печени или

сердца, занимает месяцы или годы, китайские клиники предлагали необычно короткие сроки. Международный центр помощи при трансплантации органов Китая в Шэньяне, согласно архивной копии его веб-сайта, рекламировал срок ожидания печени в один месяц и почки в две недели. Больница Чанчжэн в Шанхае указывала на своем сайте средний срок ожидания печени в одну неделю. Больница Хуаси в Чэнду, как показала запись телефонного разговора, утверждала, что пересадку печени можно организовать в течение 24 часов.

Такие сроки невозможны в системе, основанной на случайном донорстве от умерших. Они прямо указывают на существование огромного пула живых людей, которых можно в любой момент обследовать на совместимость и убить в удобное для хирурга и пациента время. Это была не система здравоохранения, а рынок, где человеческая жизнь имела цену, а операция назначалась заранее, как приём у дантиста.

Чтобы проверить свои подозрения, следователи и их помощники начали обзванивать китайские больницы, представляясь родственниками пациентов, нуждающихся в пересадке. Результаты были шокирующими. Врачи и администраторы, полагая, что общаются с потенциальными клиентами, открыто признавали использование органов последователей Фалуньгун. В ходе разговоров, записанных в десятках больниц по всему Китаю, были получены прямые доказательства. Например, 16 марта 2006 года в больнице Чжуншань в Шанхае на вопрос следователя: «Могу ли я получить орган от практикующего Фалуньгун?» — доктор ответил: «У нас все такие. Все свежие и здоровые. Качество гарантировано». В 205-м госпитале Народно-освободительной армии Китая в Шэньяне 30 марта 2006 года заведующий отделением Чэнь Жуншань, отвечая на вопрос об использовании органов последователей Фалуньгун, подтвердил: «Да, мы работали с ними... Это не из семейных жертвований. Мы получаем их от задержанных, и это одобрено судом». В больнице Миньцзу в Наньнине 22 мая 2006 года доктор Лу, отвечая на вопрос о донорах-практикующих Фалуньгун, сказал: «Вам

лучше приехать, и мы поговорим. По телефону неудобно... Но я могу сказать вам, что те, что мы использовали, были от последователей Фалуньгун». Эти записи подтвердили, что медицинский персонал был осведомлён об источнике органов, которые считались «качественными» и «здоровыми», поскольку последователи Фалуньгун не курили и не употребляли алкоголь, а военные госпитали играли центральную роль в этой системе.

Проанализировав все собранные доказательства, Килгур и Мейтас пришли к однозначному и страшному выводу. Они не могли указать пальцем на конкретного убийцу в конкретной операционной, но совокупность фактов не оставляла сомнений в существовании государственной машины по убийству узников совести ради наживы.

В заключении своего отчета они написали:

«Мы пришли к печальному выводу, что эти утверждения правдивы. Мы считаем, что имело место и продолжается по сей день крупномасштабное изъятие органов у недобровольных практикующих Фалуньгун... Их жизненно важные органы, включая сердца, почки, печень и роговицы, были изъяты без согласия для продажи по высоким ценам, иногда иностранцам, которые в своих странах обычно вынуждены долго ждать пожертвований... Это новая форма зла на нашей планете».

Отчет «Кровавая жатва» стал водоразделом. Он перевёл проблему из разряда «слухов» в категорию документированного и обоснованного обвинения. Он заложил фундамент для всех последующих расследований и заставил мир, пусть и с неохотой, взглянуть в лицо этой чудовищной реальности.

Если отчет Килгура-Мейтаса был подобен скрупулёзному анализу финансовой отчётности преступной корпорации, то работа американского журналиста-расследователя Итана Гутмана стала глубоким погружением в человеческую трагедию, стоящую за сухими цифрами. Его книга «Бойня: Массовые убийства, извлечение органов и секретное решение Китая проблемы диссидентов» (*The Slaughter: Mass Killings, Organ Harvesting, and China's Secret Solution*

to Its Dissident Problem), опубликованная в 2014 году, дополнила и расширила выводы «Кровавой жатвы», сместив фокус на хронологию, механизм и человеческие судьбы.

Гутман, опытный журналист, специализирующийся на Китае, потратил семь лет на своё расследование. Его методология отличалась от юридического подхода Килгура и Мейтаса. Он действовал как классический исследователь, проводя более 100 глубинных интервью с беженцами, бывшими узниками совести из разных групп (уйгуры, тибетцы, христиане и, в первую очередь, последователи Фалуньгун), а также с врачами, медсёстрами и даже бывшими сотрудниками служб безопасности, которым удалось бежать из Китая.

Одним из ключевых открытий Гутмана стало то, что технология насильственного извлечения органов не была изобретена специально для последователей Фалуньгун в 1999 году. Её истоки уходят в 1990-е годы, в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Гутман задокументировал свидетельства о том, что китайские власти начали экспериментировать с извлечением органов у казнённых политических заключённых-уйгуров ещё в 1997 году.

Он описал, как в Синьцзяне отработывался «протокол»: заключённых не расстреливали в голову, а стреляли в грудь, чтобы не повредить мозг и вызвать шок, но сохранить кровообращение. Затем их тела немедленно доставляли в фургоны, оборудованные как мобильные операционные, где хирурги извлекали органы. Эти операции были первыми шагами к созданию системы убийства по требованию.

Когда в 1999 году началась кампания против Фалуньгун и десятки тысяч людей заполнили тюрьмы и лагеря, у властей уже был готовый и «проверенный» механизм. Последователи Фалуньгун, в большинстве своём здоровые люди среднего возраста, не имеющие вредных привычек, стали идеальным и, что самое главное, неисчерпаемым ресурсом для этой разрастающейся индустрии.

Опираясь на свои интервью и анализ данных о пропускной способности трансплантационных центров, Гутман предложил собственную оценку числа жертв. Он пришёл к выводу, что в период с 2000 по 2008 год ради получения органов было убито не менее 65 000 последователей Фалуньгун.

Эта цифра, хотя и является оценкой, была выведена на основе сложной модели, которая учитывала количество заключённых Фалуньгун в системе лагерей, процент заключённых, подвергавшихся специфическим медицинским осмотрам, среднее количество органов, извлекаемых из одного «донора», а также пропускную способность ключевых трансплантационных центров, особенно военных госпиталей.

Цифра Гутмана (65 000 убитых за 8 лет) оказалась сопоставимой с цифрой Килгура-Мейтаса (41 500 необъяснимых трансплантаций за 6 лет), что укрепило выводы обоих расследований. Разные методики привели к схожим по порядку величины результатам, указывая на промышленный масштаб убийств.

Возможно, главным вкладом Гутмана в понимание этого преступления стала детальная разработка и популяризация концепции «обратного подбора донора». Концепция «обратного подбора» объясняет дьявольскую логику и эффективность китайской трансплантационной системы. В традиционной западной модели донорства, когда пациенту требуется орган, он попадает в лист ожидания, и только после трагедии, например, смерти человека в автокатастрофе, врачи ищут в листе наиболее совместимого реципиента; ожидание может длиться годами, и многие умирают, не дождавшись. В китайской модели «обратного подбора» процесс начинается, когда состоятельный пациент, будь то гражданин Китая или «трансплантационный турист», обращается в больницу, готовый заплатить десятки или сотни тысяч долларов. Врачи берут у него анализы крови и ткани, вводят эти данные в компьютерную базу, содержащую медицинские профили десятков тысяч живых узников совести, и система находит идеально совместимого «донора». Затем

назначается дата операции, за несколько часов до которой подходящего заключённого казнят, часто прямо на операционном столе, и извлекают у него свежие, совместимые органы. Эта система превращает человека в товар на складе, где смерть не ждут от случайного события, а планируют под конкретный заказ. Именно «обратный подбор донора» объясняет аномалии китайской системы: короткие сроки ожидания в 1–4 недели, необходимые для поиска совместимого «материала» в огромной базе данных, возможность запланировать пересадку сердца или печени на конкретную дату, что невозможно при спонтанном донорстве, а также систематические медицинские осмотры, включая принудительные анализы крови и УЗИ, которые, согласно показаниям выживших, проводились не для заботы о здоровье, а для сбора данных для этой базы.

«Бойня» Итана Гутмана — это не просто сборник ужасающих историй. Это глубокий анализ, который вскрыл механизм, хронологию и бизнес-модель преступления. Гутман показал, как преследование одной группы людей было монетизировано государством, превратив их тела в самый ценный актив в новой, кровавой экономике. Как отмечали рецензенты, *«логику Гутмана трудно опровергнуть без альтернативных объяснений расхождений в статистике»*. Его работа стала вторым мощным ударом по стене отрицания, воздвигнутой Пекином.

К 2018 году накопился огромный массив доказательств: статистический анализ Килгура и Мейтаса, нарративное расследование Гутмана, сотни свидетельских показаний. Однако не хватало формальной юридической оценки этих фактов со стороны независимого и авторитетного органа. Международные институты, такие как ООН или Международный уголовный суд, бездействовали, связанные политическими и процедурными ограничениями.

В ответ на этот вакуум была создана уникальная структура — независимый народный трибунал по Китаю. Его возглавил сэр Джеффри Найс, королевский адвокат, фигура с безупречной международной репутацией. Ранее он был главным обвинителем на

процессе против бывшего президента Югославии Слободана Милошевича в Международном трибунале по бывшей Югославии в Гааге. Его участие гарантировало высочайший уровень юридической экспертизы и беспристрастности.

Цель трибунала была ясна: провести всестороннее юридическое расследование утверждений о насильственном извлечении органов в Китае и вынести вердикт на основе стандартов международного права.

Трибунал, состоявший из семи международных экспертов в области права, медицины и прав человека, провёл два раунда публичных слушаний в Лондоне в декабре 2018 и апреле 2019 года, организованных по модели судебного разбирательства. В ходе слушаний были заслушаны более 50 свидетелей, экспертов и следователей, включая выживших узников совести, таких как Цюй Янъяо, родственников жертв, таких как Хань Юй и Цзян Ли, а также врачей и исследователей, включая Итана Гутмана и Дэвида Мейтаса. Трибунал проанализировал тысячи страниц документов, среди которых были отчеты «Кровавая жатва» и «Бойня», научные статьи, записи телефонных разговоров, официальные заявления китайских властей и данные с веб-сайтов китайских больниц. Процесс следовал принципу состязательности: Китайской Народной Республике было направлено официальное приглашение принять участие в слушаниях и представить свою позицию или опровергнуть обвинения, но Пекин проигнорировал это приглашение, отказавшись от возможности защитить себя.

Трибунал скрупулёзно анализировал каждое доказательство, проверяя его достоверность и оценивая его вес в общей картине.

17 июня 2019 года сэр Джеффри Найс огласил итоговый вердикт трибунала. Выводы были однозначными и разрушительными для репутации КНР.

Трибунал применил самый высокий стандарт доказывания в уголовном праве — «вне всяких разумных сомнений». Это означает,

что доказательства настолько убедительны, что не остаётся никакой другой логической версии событий.

«Члены Трибунала единодушно и вне всяких разумных сомнений убеждены в том, что насильственное извлечение органов у узников совести, приводящее к многочисленным жертвам, длительное время практикуется в Китае».

Это заявление перевело обвинения из категории «вероятных» или «заслуживающих доверия» в категорию юридически установленного факта. Трибунал подтвердил выводы предыдущих расследований о том, кто является главной жертвой этого преступления.

«Трибунал установил, что последователи Фалуньгун были и остаются „одним из основных, и, вероятно, главным“ источником органов для принудительного извлечения».

Кроме того, трибунал выразил серьёзную озабоченность тем, что уйгурское население Синьцзяна также подвергается риску стать массовым источником органов, что подтверждает выводы Гутмана о преемственности этой практики. Трибунал дал правовую оценку действиям китайского государства в соответствии с международным правом, в частности, Римским статутом Международного уголовного суда. Было установлено, что насильственное извлечение органов, пытки и преследование последователей Фалуньгун и уйгуров представляют собой преступления против человечности.

Эта квалификация означает, что речь идёт не о случайных правонарушениях, а о *широкомасштабных или систематических нападениях, совершаемых в рамках политики государства против гражданского населения*. Трибунал также рассмотрел вопрос о геноциде, отметив, что многие признаки указывают на наличие геноцидального намерения, однако окончательный вывод по этому пункту требует дополнительных доказательств специфического умысла на уничтожение группы, что выходило за рамки мандата трибунала.

Один из самых важных выводов касался текущей ситуации. Несмотря на заявления Пекина о реформе трансплантационной системы в 2015 году и переходе на добровольное донорство, трибунал не нашёл никаких доказательств прекращения преступной практики. Статистика трансплантаций оставалась аномально высокой, а сроки ожидания — подозрительно короткими.

«Трибунал пришел к выводу, что нет никаких доказательств прекращения этой практики, и она продолжается по сей день».

В заключительном слове сэр Джеффри Найс обратился ко всему миру с недвусмысленным предупреждением:

«Любое правительство, организация или человек, которые каким-либо образом взаимодействуют с Китайской Народной Республикой, теперь должны осознавать, что они взаимодействуют с преступным государством».

Этот вывод имеет колоссальные этические, политические и юридические последствия. Он означает, что любое сотрудничество с китайскими медицинскими учреждениями, участие в академических обменах по трансплантологии или даже ведение бизнеса с компаниями, связанными с этой индустрией, может быть расценено как соучастие в преступлениях против человечности.

Лондонский трибунал по Китаю стал кульминацией более чем десятилетних усилий по сбору доказательств. Он подвёл черту под спорами о том, «происходит ли это». Авторитетный юридический орган, возглавляемый прокурором мирового уровня, вынес свой вердикт. Вопрос больше не в том, существуют ли доказательства, а в том, как мир отреагирует на них.

Параллели с нацизмом

Юридическое установление факта преступлений против человечности заставляет обратиться к историческим прецедентам. Сравнивать какое-либо современное явление с преступлениями нацистского режима — это шаг, требующий предельной осторожности. Однако в случае с кампанией уничтожения инакомыслия в Китае мы имеем дело не с поверхностной аналогией, а с глубоким структурным, философским и, как будет показано, идеологическим родством. Возникает вопрос: откуда в XXI веке появились методы, столь точно повторяющие нацистские? Является ли это совпадением или результатом прямой преемственности?

История современного антикультового движения, предоставившего идеологический инструментарий для репрессий в Китае, начинается не в 1990-е годы, а в 1932 году в нацистской Германии. Именно тогда лютеранский теолог Вальтер Кюннет основал Апологетический центр, целью которого была

объявлена борьба с «сектами» и «культами». Однако под вывеской Апологетического центра Кюннета скрывалась злобная реальность: он стал инструментом государственного террора Третьего рейха. Центр напрямую сотрудничал с Гестапо и Министерством пропаганды Геббельса, что доказывает, что антикультизм был не просто общественной инициативой, а частью нацистской репрессивной машины. Основной его функцией было составление «черных списков» «нежелательных» религиозных и мировоззренческих групп, в которые, помимо «сект», включали евреев, политических оппонентов и другие неудобные режиму меньшинства. Эти списки передавались в Гестапо для последующих репрессий, включая аресты, заключение в концлагеря и физическое уничтожение. Кюннет и его соратники использовали ярлык «сектант» как идеологическую основу для дегуманизации жертв и оправдания насилия в глазах общества, что служило удобным инструментом для «очищения» нации от «инородных элементов».

Самое страшное заключается в том, что эта идеология не умерла в 1945 году. Она была сохранена и передана по прямой линии преемственности. Знания и методы Кюннета были унаследованы его учениками, в частности, немецким пастором Фридрихом Вильгельмом Хааком и датским теологом Йоханнесом Огордом. Они стали связующим звеном, обеспечившим выживание и развитие нацистской модели «борьбы с сектами» в послевоенной Европе. Через Огорда этот идеологический вирус был передан его ученикам, в числе которых оказался Александр Дворкин — ключевая фигура современного российского антикультизма.

Организация систем массового внесудебного заключения служит ярким индикатором тоталитарного режима, и сходство между нацистскими концентрационными лагерями и китайскими «лагерями перевоспитания» и тюрьмами для узников совести проявляется в их структурной и семантической точности. Нацистские лагеря, действовавшие с 1933 по 1945 год, официально назывались «трудовыми лагерями» (Arbeitslager), «лагерями перевоспитания»

или местами «защитного ареста» (Schutzhaft) для «асоциальных элементов» и «врагов Рейха», что маскировало их истинную цель — изоляцию и уничтожение. В Китае «центры профессионального обучения и подготовки» и «трансформация через образование» оправдываются борьбой с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом, скрывая систему идеологической обработки и пыток. В нацистской Германии заключение происходило без суда на основании чрезвычайных указов, таких как Указ рейхспрезидента «О защите народа и государства» 1933 года, а Нюрнбергские расовые законы 1935 года вывели целые группы населения из правового поля. В Китае массовое заключение осуществляется без суда, с формальным прикрытием в виде статьи 300 Уголовного кодекса КНР, применяемой ретроактивно и по принципу коллективной ответственности.

Целевыми группами в нацистских лагерях были этнические группы, такие как евреи и цыгане, политические оппоненты, включая коммунистов и социал-демократов, религиозные меньшинства, такие как Свидетели Иеговы, а также некоторые социальные группы. В Китае под репрессии попадают духовные и религиозные группы, включая последователей Фалуньгун, уйгуров-мусульман, тибетских буддистов и домашних христиан, а также этнические меньшинства, правозащитники, адвокаты и инакомыслящие. Методы воздействия в нацистских лагерях включали систематическое унижение, голод, изнурительный принудительный труд, идеологическую обработку, жестокие пытки, псевдомедицинские эксперименты и массовое физическое уничтожение, тогда как в Китае применяются идеологическая «промывка мозгов» с принуждением к отречению от веры и восхвалению компартии, систематические пытки, принудительный труд, психологическое давление и насильственное извлечение органов у узников совести, направленное на стирание их идентичности.

Экономическая эксплуатация в нацистских лагерях осуществлялась через принудительный труд узников на предприятиях СС и частных немецких компаний, таких как IG Farben, Siemens и Krupp, с интеграцией лагерей в военную экономику Третьего рейха. В Китае принудительный труд заключенных, особенно в Синьцзяне, поддерживает производство хлопка и комплектующих для электроники, а насильственное извлечение органов представляет собой отдельную прибыльную отрасль. Нацистская Германия создала сеть из более чем 44 000 лагерей и гетто, через которые прошло около 18 миллионов человек, из которых погибло не менее 11 миллионов. В Китае построены сотни лагерей и тюрем, через которые прошли миллионы людей, а система носит общенациональный и промышленный характер.

Если лагеря являются архитектурой подавления, то овеществление (*reification*) — это его философский фундамент. Это процесс, в ходе которого человек низводится до уровня объекта — вещи, инструмента, сырья. В истории не было более яркого примера этой концепции в действии, чем медицинские эксперименты в нацистских лагерях, олицетворением которых стал доктор Йозеф Менгеле, «Ангел Смерти» из Освенцима.

Китайская индустрия трансплантации представляет собой следующий, «рационализированный» и «утилитарный» этап этой дегуманизации. Если Менгеле превращал людей в сырье для псевдонауки, то китайский режим превращает узников совести в сырье для медицины.

«Насильственное извлечение органов в Китае можно сравнить с нацистским Холокостом. Такие преступления против человечности требуют своевременного предотвращения», — заявила чешский сенатор Яромира Виткова.

Это сравнение абсолютно точно, потому что оно указывает на общую суть преступления, связанного с концепцией овеществления. И для нацистского врача, и для китайского хирурга-трансплантолога человек на операционном столе перестаёт быть пациентом,

становясь объектом: для Менгеле — «исследовательским материалом», а для китайского врача — «донорским источником». Тело жертвы используется для достижения внешней цели, которая в Китае имеет двойной характер: коммерческий, когда органы продаются за сотни тысяч долларов, формируя многомиллиардную индустрию, и логистический, когда «живой банк органов» позволяет убивать человека по расписанию, подгоняя его смерть под нужды реципиента. Врачи, давшие клятву Гиппократу, превращаются в палачей, беря в руки скальпель, чтобы убить одного человека ради спасения другого, что представляет собой полное моральное разложение медицинской этики. Ни эксперименты Менгеле, ни извлечение органов в Китае не являются эксцессами отдельных маньяков — это государственные программы, поставленные на поток, создающие конвейер по утилизации обесцененной человеческой жизни. Таким образом, китайский режим не просто скопировал лагерную систему нацизма, а творчески переработал и довёл до логического завершения её центральную идею: если нацисты превращали людей в пепел, то китайская система, в своей холодной прагматичности, превращает их в товар.

Международная сеть идеологов геноцида

Преступления против человечности такого масштаба невозможны без широкой сети соучастников. Помимо непосредственных исполнителей — охранников, врачей и чиновников, — существует и другая, не менее важная категория пособников. Это те, кто создает идеологическое оправдание для насилия, кто поставляет палачам язык для дегуманизации их жертв, кто легитимирует репрессии. Это интеллектуальные соучастники.

Как было показано, истоки этой идеологии уходят в нацистскую Германию, но сегодня она действует через разветвленную международную сеть так называемых «антикультовых» организаций. Эти люди, прикрываясь вывеской «экспертов по деструктивным культам», на практике стали апологетами и консультантами репрессивных режимов по всему миру, включая Китай.

Центральной фигурой современного антикультизма, прямым идейным наследником Вальтера Кюннета, является Александр Дворкин. Будучи учеником Йоханнеса Огорда, он импортировал в Россию и довел до совершенства модель сращивания «сектоведения» с государственным аппаратом насилия. Деятельность Дворкина в России представляет собой готовый шаблон, который затем экспортируется в другие страны, создавая репрессивную машину. Он основал РАЦИРС (Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект) — разветвлённую сеть по всей стране, копирующую структуру Апологетического центра Кюннета. Возглавив Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, Дворкин превратил частную идеологическую инициативу в государственный инструмент. Под его руководством совет стал фабрикой по составлению «черных списков», на основании которых принимаются решения о запрете и преследовании религиозных организаций, что напрямую повторяет методологию Кюннета и Гестапо. Дворкин и его последователи активно читают лекции для сотрудников МВД, ФСБ, прокуратуры, а

также студентов юридических и теологических факультетов, внедряя дегуманизирующую риторику и формируя образ врага из инакомыслящих. Язык Дворкина, наполненный ненавистью, называет неугодные группы «раковыми опухолями», которые необходимо «хирургически удалять», или «чесоточными клещами», что не только оскорбительно, но и служит прямым призывом к насилию, создавая моральное оправдание для физического уничтожения.

Деятельность Дворкина — это форма государственного санкционированного садизма, направленного против мирных граждан. Он конструирует «врага», а затем натравливает на него всю мощь репрессивной машины, получая, по-видимому, удовольствие от самого процесса преследования. Это не защита «духовной безопасности», а технология разжигания ненависти и подавления любого инакомыслия под удобным предлогом. Именно эта модель и ее «эксперты» оказались так востребованы Компартией Китая.

Деятельность КПК против Фалуньгун подпадает под определение преступлений против человечности, изложенное в Статье 7 Римского статута Международного уголовного суда. Однако Статья 25 этого же документа предусматривает ответственность не только для исполнителей, но и для тех, кто:

«...пособничает, подстрекает или иным образом содействует совершению или покушению на совершение такого преступления, включая предоставление средств для его совершения».

Деятельность антикультистов, включая российских и западных представителей, может быть рассмотрена через призму правовых понятий, таких как подстрекательство и пособничество. Подстрекательство подразумевает прямое или косвенное публичное побуждение к совершению преступления. Например, когда Александр Дворкин называет Фалуньгун «раковой опухолью» или Рик Росс одобряет «перевоспитание», они фактически подстрекают к «хирургическому» решению проблемы, что может быть интерпретировано как призыв к уничтожению и пыткам.

Пособничество, в свою очередь, заключается в содействии совершению преступления, которое может быть материальным, интеллектуальным или моральным. Антикультисты, предоставляя «экспертные» заключения, легитимирующие насилие, и публично поддерживая репрессивную политику, обеспечивают китайским властям идеологический инструментарий, выступая в роли пособников в совершении преступлений.

Таким образом, действия антикультистов, которые ездили в Китай, участвовали в пропагандистских конференциях и одобряли методы «трансформации», не могут рассматриваться как частное мнение. В контексте совершаемых преступлений эти действия приобретают юридическую квалификацию интеллектуального и идеологического пособничества преступлениям против человечности.

Если Дворкин является идеологом и организатором, то американец Рик Алан Росс — типичный «полевой агент» этой международной сети. Его пример наглядно демонстрирует, что для этой деятельности привлекаются люди с сомнительной репутацией и криминальным прошлым. И именно этот человек был приглашен в Китай в качестве «эксперта».

Одобрение пыток: «Я в целом их поддерживаю»

Находясь в Китае, Росс дал серию интервью, в которых охарактеризовал применяемые к последователям Фалуныгун методы (лишение сна, идеологические обработки, психологическое давление) как «конструктивные и успешные» и заявил, что «в целом поддерживает» усилия китайского правительства.

Это заявление является прямым и публичным одобрением пыток. Человек, сам использовавший насильственные методы, увидел в китайской системе «перевоспитания» родственную и более эффективную модель. Его поездка в Китай — это квинтэссенция цинизма и наглядный пример того, как антикультовое движение на

Западе превратилось в поставщика идеологических услуг для одного из самых репрессивных режимов современности.

Термин «геноцид» прочно ассоциируется в массовом сознании с «горячими» вспышками насилия: газовыми камерами Холокоста или резней в Руанде. Однако преследование Фалуньгун в Китае представляет собой иную модель, для описания которой аналитики ввели понятие «холодный геноцид».

«Холодный геноцид» — это не формальный юридический термин, а аналитическая концепция, описывающая преднамеренное, многоаспектное и растянутое во времени уничтожение группы, замаскированное под легитимные государственные процессы. Его цель та же — уничтожение группы как таковой, — но его методы более изощренные, скрытые и медленные.

Кампания против Фалуньгун представляет собой хрестоматийный пример «холодного геноцида», поскольку она направлена на уничтожение группы на всех уровнях ее существования. Эта стратегия была сформулирована в виде трех принципов: «опорочить их репутацию, разорить их финансово и уничтожить их физически».

Ключевая особенность «холодного геноцида» заключается в его маскировке, отличающей его от нацистской Германии, поскольку КПК облачает свои действия в псевдозаконную форму. Репрессии осуществляются на основании статьи 300 Уголовного кодекса КНР, касающейся «использования еретической организации для подрыва правопорядка», при этом Фалуньгун был произвольно и без юридических оснований причислен к категории «хэ jiào», то есть еретических учений. Преступления совершаются в закрытой системе лагерей и госпиталей, а государственная пропаганда контролирует информационное поле, проводя кампанию по дезинформации. Убийства через извлечение органов замаскированы под рутинные медицинские процедуры, воплощая «банальность зла», описанную Ханной Арендт, но доведённую до промышленных масштабов. Таким образом, преследование Фалуньгун представляет собой не просто

нарушение прав человека, а тщательно спланированную и методично реализуемую кампанию по полному уничтожению группы, чей медленный темп, многомерность и использование обманной риторики делают её «холодным геноцидом» — преступлением, которое разворачивается на глазах у мира, но остаётся для многих невидимым из-за своей неконвенциональной формы.

Глава 5: Последствия и угрозы

«Первыми они пришли за социалистами, и я молчал — потому что я не был социалистом. Затем они пришли за профсоюзными деятелями, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза. Затем они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем. Затем они пришли за мной — и не осталось никого, чтобы говорить за меня». — *Мартин Нимёллер*

Эта война ведется не на полях сражений, а в умах людей, в залах судов и в подвалах для допросов. Ее оружие — не пули, а слова, превращающие соседа во врага, а веру — в преступление. Модель государственного террора, отточенная Коммунистической партией Китая (КПК) против Фалуньгун, была привита антикультовой организацией и оказалась не локальным китайским феноменом, а заразным идеологическим вирусом. Он успешно мутировал и распространился по всему миру, находя благодатную почву в странах. В России эта модель уже сейчас реализуется, усиливая репрессии против гражданского общества, ограничивая свободу слова и собраний, а также подрывая основы демократических институтов.

Когда машина государственного террора набирает обороты, она редко останавливается сама по себе. За ней стоит антикультовая сеть маньяков и небольшая кучка жизнененавистников, подпитывающая ее новыми жертвами, новыми оправданиями и, что самое важное, — молчаливым согласием общества. Предыдущие главы вскрыли анатомию конвейера смерти, запущенного Коммунистической партией Китая (КПК) против последователей Фалуньгун, — от идеологической дегуманизации до промышленного извлечения органов. Но этот механизм не существует в вакууме. Он опирается на два столпа: циничное попрание собственного законодательства и активную поддержку международной сети идеологических

пособников, которые экспортируют эту модель репрессий по всему миру.

Это история не только о Китае. Это предупреждение о том, как легко риторика ненависти, начавшаяся с маргинализации одной группы, может превратиться в угрозу для всего общества. Это исследование метастазов тоталитаризма в XXI веке.

Кампания преследования Фалуньгун в Китае представляет собой циничное и систематическое нарушение фундаментальных положений Конституции Китайской Народной Республики. Статья 36 Конституции КНР гарантирует гражданам свободу вероисповедания, запрещая государственным органам, общественным организациям или частным лицам принуждать граждан исповедовать или отказываться от религии, а также дискриминировать их за религиозные убеждения. Однако эта норма полностью игнорируется: кампания против Фалуньгун направлена на принуждение к отказу от веры через пытки, «промывание мозгов» в лагерях и угрозы семьям, а классификация Фалуньгун как «еретического учения» (xiējiao) служит псевдоюридическим оправданием для запрета мирной духовной практики.

Статья 35 Конституции КНР закрепляет свободу слова, печати, собраний, ассоциаций, шествий и демонстраций, но эти права для последователей Фалуньгун полностью уничтожены. Любая попытка реализовать эти свободы карается тюремным заключением, издание и распространение материалов практики запрещено, а мирные апелляции и медитации на площадях рассматриваются как уголовные преступления. Государственные СМИ превращены в инструмент тотальной пропаганды и клеветы против Фалуньгун.

Согласно статье 37, свобода личности граждан неприкосновенна, а аресты возможны только с санкции прокуратуры или по решению суда, при этом запрещаются незаконные задержания и ограничения свободы. Однако миллионы людей были арестованы и отправлены в лагеря по внесудебным решениям «Офиса 610» и полиции. Принудительное содержание здоровых

людей в психиатрических больницах с использованием психотропных препаратов и система «перевоспитания через труд» (Лаогай), куда без суда отправляли сотни тысяч арестованных, являются грубейшими нарушениями личной неприкосновенности.

Статья 33 Конституции КНР провозглашает уважение и защиту прав человека государством, но на фоне документированных фактов эта норма выглядит насмешкой. Произвольные аресты, систематические пытки, сексуальное насилие, убийства и насильственное извлечение органов у живых людей не просто нарушают права человека, а отрицают саму их концепцию, превращая государство из защитника в главного нарушителя прав граждан.

Ни один геноцид не начинается с газовых камер. Он начинается со слов. С дегуманизации, с создания образа врага, с псевдонаучного или псевдорелигиозного оправдания ненависти. Нацистский режим не смог бы реализовать Холокост без идеологической работы Юлиуса Штрейхера и его газеты *Der Stürmer*, которая годами внушала немцам, что евреи — это паразиты, которых необходимо уничтожить.

В XXI веке китайская модель геноцида также нашла своих международных «штрейхеров». Это респектабельные на вид организации и «эксперты», которые под вывеской «борьбы с сектами» занимаются тем же самым: дегуманизируют верующих, создают атмосферу нетерпимости и поставляют идеологическое прикрытие для государственных репрессий.

Деятельность глобальной сети антикультовых организаций связывает несколько ключевых игроков. FECRIS, Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, объединяет «антикультовые» группы по всей Европе и на 90% финансируется правительством Франции. Несмотря на декларируемую защиту жертв, FECRIS десятилетиями выступает рупором репрессивной политики Китая и России. Уже в ноябре 2000 года, когда репрессии в Китае только набирали обороты, представители французской CCMM, члена FECRIS, участвовали в

«Международном симпозиуме по деструктивным сектам» в Пекине, с гордостью отмечая, что Франция была приведена в пример за свои жёсткие антисектантские законы, что стало актом публичной легитимизации начинающегося геноцида. РАЦИРС, Российская ассоциация центров изучения религий и сект, возглавляемая Александром Дворкиным, выступает российским филиалом этой сети и главным хабом по обмену «передовым опытом» репрессий между Китаем и Россией. Рик Росс, американский «депрограммист» с криминальным прошлым, в отличие от европейских и российских коллег, действующих под маской «науки», является практиком, использующим методы похищения и психологического насилия. В 2010 году он посетил Пекин, где встречался с жертвами китайской системы «промывания мозгов», после чего публично одобрил действия китайских властей, назвав их опыт «конструктивным», тем самым фактически легитимизировав пытки, лишение сна и избиения как приемлемый «метод перевоспитания», что сравнимо с похвалой иностранного «эксперта» администрации Аушвица за эффективные методы «решения еврейского вопроса».

Деятельность антикультистов, таких как Александр Дворкин и FECRIS, не только аморальна, но и структурно повторяет пропаганду, признанную преступлением против человечности на Нюрнбергском трибунале, в частности методы Юлиуса Штрейхера и его издания *Der Stürmer*. Штрейхер дегуманизировал евреев, изображая их паразитами, крысами, пауками и дьяволом, используя карикатуры, лишаящие человеческого облика, тогда как антикультисты применяют термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», а Дворкин называет секты «раковой опухолью на теле общества» и сравнивает верующих с «чесоточными клещами», чтобы вывести их за рамки человеческой эмпатии. Штрейхер обвинял евреев в ритуальных убийствах христианских младенцев, мировом заговоре и экономических диверсиях, а антикультисты приписывают Фалуныгун доведение до самоубийства на основе сфабрированной инсценировки на площади Тяньаньмэнь, шпионаж и попытки свержения власти, а

Свидетелям Иеговы — отказ от переливания крови, представляемый как массовое самоубийство. Евреи изображались как экзистенциальная угроза немецкой нации, чистоте арийской расы и мировому порядку, тогда как антикультисты представляют «секты» как угрозу национальной безопасности, традиционным ценностям, демографии, психическому здоровью и целостности государства. Штрейхер через косвенные намеки и прямые призывы к «очищению» Германии от евреев подготовил почву для Холокоста, а антикультисты лоббируют запреты, составляют «черные списки» и публично призывают «вооружиться, чтобы помочь несчастным жертвам освободиться», создавая общественный запрос на репрессии и оправдывая государственное насилие.

Юлиус Штрейхер был повешен в Нюрнберге не потому, что он лично кого-то убил, а потому, что его слова убивали. Его пропаганда была признана неотъемлемой частью машины геноцида. Сегодня его идеологические наследники, рядясь в одежды «экспертов», выполняют ту же функцию для современных тоталитарных режимов. Они поставляют яд, а государство впрыскивает его в вены общества.

Есть страшная историческая ирония в том, что Россия — страна, заплатившая самую высокую цену за победу над нацизмом, — в XXI веке стала одним из главных импортеров и полигонов для обкатки идеологии, структурно неотличимой от нацистской. Китайская модель преследования инакомыслящих, прошедшая идеологическую «очистку» через международную сеть «антикультистов», нашла в России благодатную почву.

Как это стало возможным? Потому что в России была заранее выстроена система идеологического обеспечения таких репрессий. В центре этой системы — все тот же Александр Дворкин. Его «черный список», размещенный на сайте Центра религиоведческих исследований во имя св. Ириней Лионского, включает сотни, если не тысячи, организаций, действующих в России абсолютно легально. В него попали не только Свидетели Иеговы и Фалуныгун, но и Общество Сознания Кришны, неопятидесятники, сайентологи и тысячи другие.

Этот список — не просто частное мнение. Это практический инструмент для разжигания ненависти и организации доносов. Он служит основанием для обращений в правоохранительные органы, формирует «экспертные» заключения для судов и создает в обществе атмосферу, в которой пытаться «сектанта» — уже не преступление, а своего рода общественно полезная работа.

С 2020 года репрессии против последователей Фалуньгун в России вышли на новый уровень, превратившись в целенаправленную кампанию, полностью скопированную с китайских лекал.

Во главе этой кампании стоят уже знакомые лица — президент РАЦИРС Александр Дворкин и его заместитель, протоиерей Александр Новопашин. Их роль — не просто критика, а идеологическое обеспечение государственного террора. Дворкин и его антикультовая сеть систематически применяют к Фалуньгун термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», чтобы оправдать преследования.

Александр Дворкин: «Фалуньгун – это жесткая тоталитарная секта, членов которой ее лидер использует в своей вендетте против правительства Китая, и которого в свою очередь используют американские спецслужбы для своих внешнеполитических целей».

Эта цитата отражает суть пропаганды, где Фалуньгун представляется не духовной практикой, а инструментом враждебных спецслужб, переводя последователей движения из категории верующих в категорию «предателей» и «шпионов». Еще более циничной выглядит попытка Дворкина присвоить принципы Фалуньгун, заявляя:

«На самом деле, мы против Фалуньгун, потому что мы за подлинную истину, за доброту и за терпение».

Это классический прием пропаганды — обвинить противника в том, в чем виноват сам, присвоив его добродетели. Протоиерей Александр Новопашин, консультант ГУВД Новосибирской области, обеспечивает силовое прикрытие и распространяет ненависть через церковные ресурсы. На сайте его

собора Фалуньгун прямо назван «представляющей опасность для общества псевдорелигиозной организацией». В своих статьях, таких как «Вращающаяся „Фалунь“, или Как не подсесть на „колесо“», он тиражирует ту же дегуманизирующую риторику.

Риторика Дворкина и Новопашина стала руководством к действию для российской репрессивной машины, превратив слова в правовой и силовой террор. С 2020 года Генпрокуратура признала семь организаций, связанных с Фалуньгун, «нежелательными», используя закон об экстремизме и статью 284.1 УК РФ, а книги, включая основное произведение «Чжуань Фалунь», были признаны «экстремистскими материалами». Кульминацией стал запрет Хакасской региональной организации «Фалунь Дафа» как экстремистской, что создало прецедент для всей страны. Машина правосудия заработала как конвейер: за организацию мирных собраний, медитаций или чтение книг люди получают реальные сроки. Наталья Миненкова, приговоренная к четырем годам колонии, стала сигналом для всех, что государство будет сажать, а десятки других, включая Михаила Антоненко, Геннадия Буслова и Чжу Юнь, стали фигурантами уголовных дел. Обыски, изъятие личных вещей, задержания за одиночные пикеты и слежка превратились в рутину, причем людей арестовывают даже при попытке купить железнодорожный билет, что свидетельствует о тотальном контроле. Читателям этой книги предлагается самим провести параллели с описанными фактами и самостоятельно сделать выводы о том, что ждет Россию в ближайшем будущем, если подобное влияние антикультовой группировки на органы власти продолжит набирать силу.

Главный парадокс современной России заключается в том, что государство, построившее свою национальную идентичность на победе над нацизмом и памяти о жертвах концлагерей, само воспроизводит худшие практики тоталитарных режимов XX века. Расплывчатое законодательство об «экстремизме» используется подобно чрезвычайным декретам нацистской Германии для

подавления любого инакомыслия под предлогом защиты государственной безопасности. Официальная антинацистская риторика, направленная вовне, сосуществует с внутренней пропагандой ненависти к «сектантам», «иноагентам» и прочим «врагам народа», которых дегуманизируют и выводят за рамки правового поля. Термин «шизонацизм», предложенный философом Михаилом Эпштейном, точно описывает режим, который яростно борется с «нацизмом» за границей, одновременно демонстрируя его классические черты внутри страны: культ силы, подавление меньшинств, поиск внутренних врагов и слияние государственного аппарата с идеологическими структурами.

Страна, победившая дракона, начинает сама отращивать чешую и когти. Преследование религиозных меньшинств — это лишь один из симптомов этой страшной мутации.

Зададимся вопросом: кто эти люди, «антикультисты»? Что заставляет человека посвятить свою жизнь травле, доносам и деятельности, которая прямо ведет к тюремным срокам, пыткам и разрушенным жизням других людей? Является ли это просто профессией или гражданской позицией?

Анализ их риторики, методов и публичных заявлений позволяет сделать вывод, что мы имеем дело не с защитниками общества, а с носителями определенного психологического профиля, в котором доминируют скрытая агрессия, жажда власти и садистские наклонности, маскируемые под общественную пользу. Вопрос о том, может ли психически здоровый, эмпатичный человек радоваться страданиям других, получает здесь свой ответ. Когда Рик Росс одобряет пытки в Китае, называя их «конструктивными», он демонстрирует не экспертную оценку, а садистское удовлетворение. Следует понимать, что садизм — это не только получение удовольствия от причинения физической боли. Это наслаждение от тотального доминирования над другим человеком, от его унижения и разрушения его воли. И «борьба с сектами» предоставляет для этого идеальное, социально одобряемое прикрытие. Это также заставляет

задуматься, не является ли такая «борьба» сублимацией жажды власти. Статус «эксперта по сектам» дает огромную власть. Одним своим «заключением» такой человек может разрушить репутацию, бизнес, семью. Он может влиять на решения судей и прокуроров. Создание «черных списков» — это акт присвоения себе права решать, кто «чистый», а кто — «нечистый», кто имеет право на существование, а кто — нет. Это власть, которой у этих людей никогда не было бы в любой другой, созидательной сфере деятельности. Наконец, стоит задаться вопросом, какой же образ жизни и мировоззрение они на самом деле защищают. Антикультисты всегда апеллируют к «традиционным ценностям». Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что их идеал — это не гармоничное общество свободных людей, а тоталитарный улей, где любая инаковость, любой индивидуальный духовный поиск воспринимается как угроза, как бунт, требующий подавления. Они защищают не традицию, а единообразие. Их истинный враг — не «секта», а сама свобода совести и демократия как таковая.

Нормальный, психически здоровый человек не станет профессиональным «антикультистом». Человек с развитой эмпатией, столкнувшись с чужой бедой, постарается помочь конкретному человеку. Он не будет призывать к уничтожению целой группы людей, не будет составлять расстрельные списки и радоваться, когда кого-то бросают в тюрьму за его веру.

Деятельность профессиональных «антикультистов» — это не гражданский долг. Это легализованная форма ненависти. Это работа для тех, кто в другую историческую эпоху с не меньшим энтузиазмом писал бы доносы в НКВД, служил бы надзирателем в концлагере или редактировал бы газету *Der Stürmer*. Меняются декорации, но психология палача остается неизменной. Она всегда начинается с убеждения, что есть люди, которые «не совсем люди», и поэтому с ними можно делать все что угодно.

Именно эта психология и привела к нацистскому геноциду. Он стал возможен не только благодаря приказам сверху, но и благодаря

тысячам маленьких «штрейхеров» и «эйхманов» на местах — людей, которые нашли в идеологии ненависти оправдание для собственных темных инстинктов.

Возможно, читая о репрессиях в Китае, кто-то подумает: «Это далеко и нас не касается». Возможно, слыша о преследовании Свидетелей Иеговы, кто-то скажет: «Это специфическая группа, я к ней не принадлежу». Это опасное и близорукое заблуждение.

Импорт и адаптация китайской «антикультовой» модели представляет прямую и непосредственную угрозу гражданским свободам и будущему России. Это не просто атака на отдельные религиозные группы. Это атака на сами основы правового государства и на фундаментальные права каждого гражданина.

1. Размывание Права. Когда государство начинает использовать расплывчатые законы об «экстремизме» для преследования за убеждения, оно создает прецедент. Сегодня «экстремистом» объявили того, кто читает не ту Библию. Завтра им станет тот, кто читает не ту книгу по истории. Послезавтра — тот, кто выходит на мирный протест. Механизм, отработанный на «сектантах», универсален и может быть применен к кому угодно.

2. Нормализация Насилия. Когда пытки «сектантов» остаются безнаказанными, а общество молчит, порог терпимости к насилию снижается по всей стране. Если можно пытать «сектанта», то почему нельзя пытать подозреваемого в краже? А политического оппонента? Так насилие из чрезвычайной ситуации превращается в рутинный метод работы правоохранительной системы.

3. Уничтожение Гражданского Общества. Атака на религиозные меньшинства — это пробный шар. Ее цель — посмотреть, как отреагирует общество. Если оно промолчит, следующими будут правозащитные организации, независимые СМИ, экологические движения, культурные проекты — любое независимое объединение граждан, неподконтрольное государству.

Слово «сектант» в современной России стало тем, чем была «желтая звезда» в нацистской Германии. Это больше не

нейтральный термин. Это клеймо. Знак, который выводит человека за рамки закона, сочувствия и даже человечности. Человек с этим клеймом — уже не гражданин со своими правами, а объект для «профилактики», «нейтрализации» и «перевоспитания». Его можно уволить с работы, его детей можно травить в школе, его самого можно посадить в тюрьму и пытаться — и «порядочные граждане» в лучшем случае отвернутся.

Концлагеря начинаются не с колючей проволоки. Они начинаются со слов. Они начинаются с разделения людей на «нас» и «них». Они начинаются с молчаливого согласия наблюдать, как преследуют «других».

Поэтому сегодня каждый гражданин России должен задать себе несколько вопросов. Когда вы слышите слово «сектант», что вы чувствуете — праведный гнев или тревогу за попираемый закон? Когда вы видите, как ваших соседей бросают в тюрьму за их веру, вы говорите «так им и надо» или «кто будет следующим»? Готовы ли вы молча стоять в стороне, пока государство и его идеологические пособники делят граждан на сорта?

Потому что когда они придут за вами, может оказаться, что говорить будет уже некому. История XX века преподавала этот урок кровью миллионов. Неужели мы не способны его выучить?

Список литературы

1. А. Л. Дворкин и CAN. Сайт об антиконституционной деятельности Александра Дворкина. <http://alexander-dvorkin.ru/can/>
2. А. Коэн. Главный сектант России: от Гестапо до РПЦ <https://www.everand.com/book/912596711/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%9E%D1%82-%D0%93%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%BE-%D0%B4%D0%BE-%D0%A0%D0%9F%D0%A6>
3. А. Энгельштейн. Ложь и пропаганда: Основа антикультизма <https://www.smashwords.com/books/view/1857845>
4. Red flags and red herrings: FECRIS' curious crusade for China. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/red-flags-and-red-herrings-fecris-curious-crusade-for-china/>
5. Bitter Winter. Bitter Winter: A magazine on religious liberty and human rights. <https://bitterwinter.org>
6. Center for Studies on New Religions (CESNUR). The Journal of CESNUR. <https://cesnur.net>
7. Falun Dafa. Пытки. Получено 16 сентября 2025 г., из <https://mingh.org/cc/5/>
8. Falun Dafa Information Center. Falun Dafa Information Center | All About Falun Gong. <https://faluninfo.net>
9. Falun Dafa Information Center. The 610 Office. <https://faluninfo.net/the-6-10-office/>
10. Introvigne, M. (2018, August 9). If your religion is a xie jiao, you go to jail—But what is a xie jiao? Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/what-is-a-xie-jiao/>
11. Matas, D., & Kilgour, D. (2006, July 6). Report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China. Center for Justice

- & Accountability. <https://cja.org/wp-content/uploads/downloads/Kilgour-Matas-organ-harvesting-rpt-July6-eng.pdf>
12. Minghui.org. (2012, 8 сентября). Статьи о Фалуньгун, опубликованные в СМИ по всему миру (ч. 1). <https://mingh.org/html/articles/2012/9/8/59614.html>
13. Minghui.org. (2013, October 21). Список доказательств извлечения органов у практикующих Фалуньгун. <https://mingh.org/html/articles/2013/10/21/62489p.html>
14. Minghui.org. Начало распространения Фалунь Дафа в Китае. Retrieved September 16, 2025, from <https://ru.minghui.org/cc/22/>
15. Nazeer, T. (2024, August 10). First known survivor of China's forced organ harvesting speaks out. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2024/08/first-known-survivor-of-chinas-forced-organ-harvesting-speaks-out/>
16. Office of the High Commissioner for Human Rights. (2021, June 14). China: UN human rights experts alarmed by "organ harvesting" allegations [Press release]. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/06/china-un-human-rights-experts-alarmed-organ-harvesting-allegations>
17. Qi, M. (2021, October 7). The 610 Office faced with consequences for aiding the CCP to harm the innocent. Minghui.org. <https://en.minghui.org/html/articles/2021/10/7/196069.html>
18. Slobodan-Milosevic.org. (2002, October 4). Milosevic transcript 2002-10-04 [Trial transcript]. <http://www.slobodan-milosevic.org/documents/trial/2002-10-04.html>
19. Wikipedia contributors. (2025, August 2). 610 Office. In Wikipedia, The Free Encyclopedia. Retrieved September 16, 2025, from https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=610_Office&oldid=1303789050
20. Yang, F. (2023, October 30). Falun Gong surgeon raped in prison and forced to drink urine. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/falun-gong-surgeon-raped-in-prison-and-forced-to-drink-urine/>

21. Авторы Википедии. (2025, August 21). Дворкин, Александр Леонидович. В Википедия, свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Дворкин,_Александр_Леонидович&oldid=147989697
22. Авторы Википедии. (2025, May 18). Cult Awareness Network. В Википедия, свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Cult_Awareness_Network&oldid=145180343
23. Авторы Википедии. (2025, July 16). FECRIS. В Википедия, свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=FECRIS&oldid=146279989>
24. Авторы Википедии. (2025, July 16). Свобода совести. В Википедия, свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Свобода_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8&oldid=146192927
25. Авторы Википедии. (2025, July 16). Коалиция по расследованию преследований в отношении Фалуньгун в Китае. В Википедия, свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Коалиция_по_расследованию_преследований_в_отношении_Фалуньгун_в_Китае&oldid=146640456
26. Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге. (2004, 9 декабря). Об истинной сути еретического учения фалуньгун. <https://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/rus//zt/zfbps/>
27. Грабовская, О. (2019, 26 апреля). Пытки и извлечение органов в Китае: показываем фильм о письме, всколыхнувшем мир. Настоящее Время. <https://www.currenttime.tv/a/29905203.html>
28. Извлечение органов у политзаключённых в Китае началось более 42 лет назад. (2021, 29 декабря). Epoch Times Russia. <https://www.epochtimes.ru/china/prava-ludey/izvlechenie-organov...>
29. Извлечение органов у практикующих Фалуньгун в Китае. (2021, 27 марта). В

Циклопедии. https://cyclowiki.org/wiki/Извлечение_органов_у_практикующих_Фалуньгун_в_Китае

30. Информационно-консультационный центр Св. Ирины Лионского. Алфавитный список сект и культов. <https://iriney.ru/raznoe/>

31. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, September 16). Фалуньгун. За веру ей вырезали сердце. <https://actfiles-supporters.org/falungun-za-veru-ej-vyrezali-serdcze/>

32. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 21 мая). Как секта создаёт убийц. Часть

1. <https://actfiles-supporters.org/kak-sekta-sozdayot...>

33. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, April 8). Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/cadisty-v-zakone...>

34. Миссионерский отдел Новосибирской епархии РПЦ. Валеология. <https://ansobor.ru/articles.php?id=82>

35. Мнения учёных и правозащитников об Александре Дворкине. (2025, 18 мая). Клуб сторонников расследовательской журналистики. <https://actfiles-supporters.org/mneniya-uchyonyh>

36. Нацистская пропаганда. (2025, 19 апреля). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Нацистская_пропаганда

37. Новости ООН. (2019, 18 декабря). Генассамблея ООН приняла резолюцию... <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369371>

38. Организация Объединённых Наций. Что представляет собой язык ненависти? <https://www.un.org/ru/hate-speech/>

39. Офис 610. (2025, 21 августа). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Офис_610

40. Правовой статус и преследование Фалуньгун. (2025, 5 августа). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовой_статус

41. Права человека в Китае. (2025, 16 июля). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Права_человека_в_Китае

42. Практикующий Фалунь Дафа из Китая. (2015, 21 марта). Воспоминания...

Minghui.org. <https://mingh.org/html/articles/2015/3/21/67143.html>

43. Российское общество «Знание». (2023, 28 июня). ДНК России. Борьба с нацизмом [Видео]. ВКонтakte. https://vk.com/video-135454514_456245043
44. Современный Китай: кратко о главном. Фалуьгун — древняя медитативная система. <https://china-today.ru/falungun/>
45. Сороченко, В. А. Энциклопедия методов пропаганды. ПСИ-ФАКТОР. <https://psyfactor.org/propaganda.htm>
46. Тоталитарная секта. (2025, 4 августа). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Тоталитарная_секта
47. Участники Википедии. Антикультовое движение. В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Антикультовое_движение
48. Участники Википедии. (2025, 4 августа). Сектоведение. В Википедии. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сектоведение>
49. Участники Википедии. (2025, 12 сентября). Новопашин, Александр Владимирович. В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Новопашин,_Александр_Владимирович
50. Участники Циклопедии. (2023, 17 октября). Фалуьгун. В Циклопедии. <https://cyclowiki.org/wiki/Фалуьгун>
51. Фалуь Дафа в мире. (2020, 25 июня). Организация гестаповского типа «Офис 610». <https://yuanming.ru/organizatsiya-gestapovskogo-tipa-ofis-610-11468/>
52. Фалуь Дафа на русском. Международные организации. <https://faluninfo.info/mirovaya-podderzhka/mezhdunarodnye-organizacii/>
53. Фалуьгун. В Википедии. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фалуьгун>
54. Фалуьгун: информация и факты. Награды Фалуьгун. <https://falungun.ru/nagradi/>
55. Цель. Что такое Фалуьгун? <https://goal-life.com/page/practice/что-такое-falungun?ysclid=mf9qadowmf961870714>
56. Цзян Гобо. (2021, October 9). Пытки, которым меня подвергали в Центрах заключения и тюрьмах в Китае. Minghui.org. <https://mingh.org/html/articles/2021/10/9/1163491.html>

57. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. (2025, 26 апреля). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Центр_религиоведческих...
58. Хэ Сюлин. (2013, 26 июля). пытки и сексуальное насилие над женщинами-практикующими Фалуньгун в центрах заключения и исправительно-трудовых лагерях Китая (часть 2). Minghui.org. <https://ru.minghui.org/html/articles/2013/7/26/61836.html>
59. Левинтер, Э., и Гордон, Д. (2023, 23 июля). Цигун, который необычайно благотворно действует... The Epoch Times Media. <https://epochtimes.media/>
60. Линь, Ч. (2021, 21 июля). [Комментарии о 20 июля] Ключевая роль политико-юридического комитета и «Офиса 610», созданных КПК, в преследовании Фалуньгун (часть 1). Minghui.org. <https://mingh.org/html/articles/2021/7/21/1162146p.html>